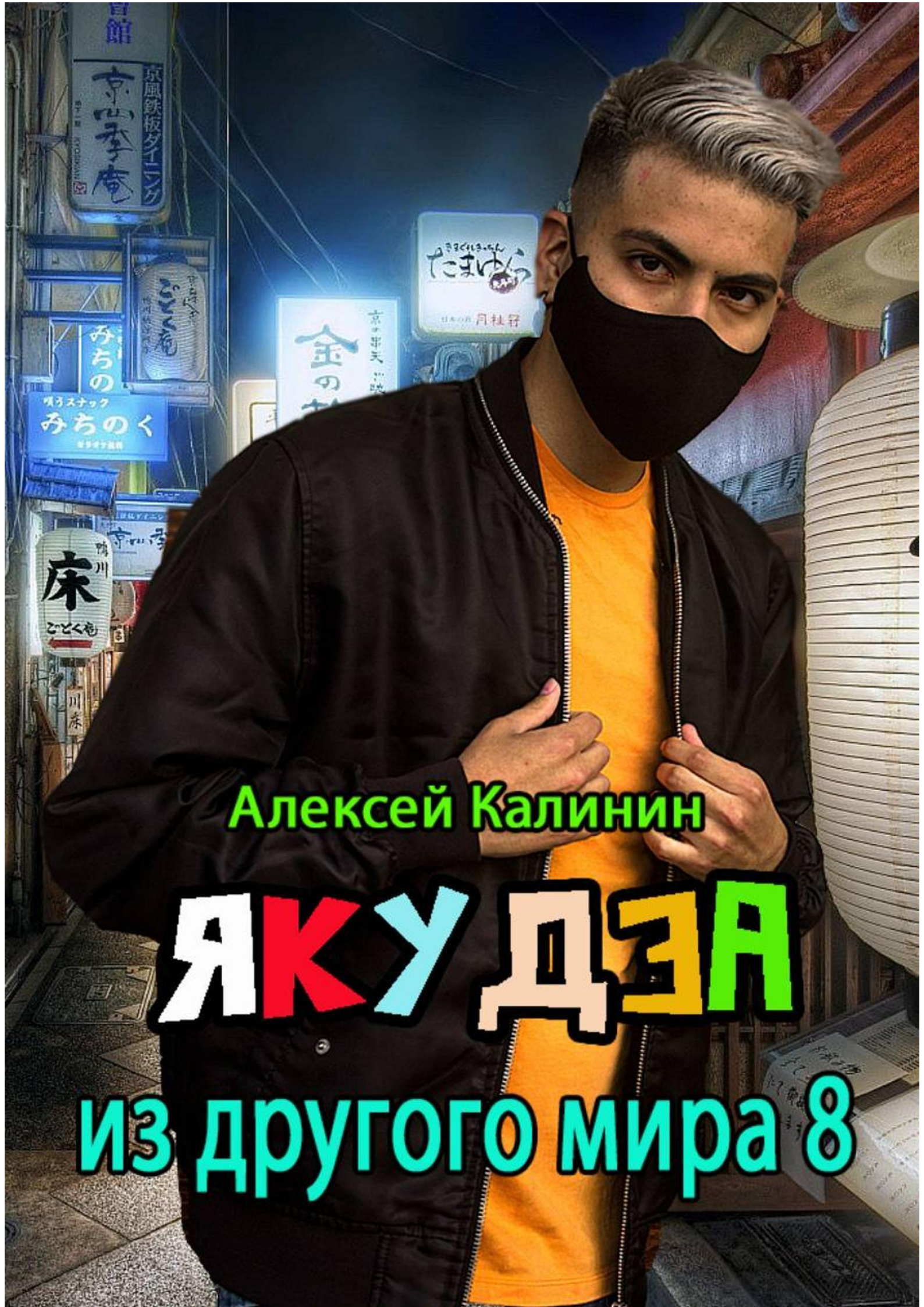

A man with short, light-colored hair and a black face mask stands in a narrow Japanese street at night. He is wearing a black bomber jacket over an orange t-shirt. His hands are near the zipper of his jacket. The background is filled with illuminated Japanese signs and lanterns. On the left, signs include '京風鉄板ダイニング 京山亭', 'みちのく', and '床'. On the right, a large white paper lantern is visible. The overall atmosphere is that of a traditional Japanese neighborhood at night.

Алексей Калинин

ЯКУДЗА

из другого мира 8

Алексей Калинин

Якудза из другого мира 8

«Автор»

2026

Калинин А.

Якудза из другого мира 8 / А. Калинин — «Автор», 2026

Из старшей школы я перешел в военную академию. Если строить карьеру, то в тех местах, которые уже знакомы по прошлой жизни. Мои далеко идущие планы начинают становиться реальностью. Правда, враги не дремлют, но и я не пальцем деланный... Прорвемся!

© Калинин А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Калинин

Якудза из другого мира 8

Глава 1

Тренировки Камавуры становились всё суровее. Теперь меня гоняли так, что даже когда падал без сил, то заставляли ползти, отталкиваясь ресничками.

И вместе с тем я видел, как мышцы наливаются силой, превращаясь из просто твердых в каменные. И при том эти каменные мышцы были эластичными и растягивающимися. Скорость бега, быстрота удара, растягивание сухожилий и связок, точность движений и сила маха – всё это росло с каждым днём. Ежедневные утренние изматывающие тренировки заканчивались восстановлением при помощи оммёдо. Каждую тренировку Норобу лечил и заживлял внутренние разрушения мышц.

Вместе с тем Камавур не давал мне спуска. Он требовал, чтобы я наращивал сложность упражнения ещё и ещё. После его тренировок приходило время Норобу. Сэнсэй лечил меня, но вечером, когда я возвращался из академии, он начинал учить техникам дыхания. Техники дыхания – это комплексы методик, позволяющих человеку путем тренировок добиться максимально высокого уровня физического развития и умения управлять собственным телом.

– Одна из основных функций дыхания человека, – нудным голосом говорил сэнсэй, пока я делал дыхательные упражнения, – это доставка кислорода к мышцам, который необходим им для работы. Чем больше человек вдыхает и выдыхает воздуха за единицу времени, тем лучше организм справляется с физической нагрузкой. При длительном беге ты не просто задыхаешься – твоё тело использует кислород для усиления мышц. Вдох носом, выдох ртом. Вдох носом, выдох ртом.

– Ага, а если я буду вдыхать носом, а выдыхать тоже носом? От этого что-то изменится? – задал я интересующий вопрос.

– Да ты хоть жопой выдыхай, но постарайся делать это подальше. Всё в нашем организме зависит от правильного дыхания. В нашей повседневности у подавляющего большинства людей процесс дыхания нарушен в силу физиологических причин: привычка "скручиваться" на стуле или держа в руках смартфон, слабое развитие мышц "пресса". Из-за этого наши мышцы постоянно недополучают воздух. Но если научиться правильно дышать, то тебе станет подвластно многое!

Мне и так уже было подвластно немало, но я решил пока что не говорить о нашей сделке с Оивой сэнсёю. Меньше знает – крепче спит. Камавур и Норобу заносили мои улучшенные показатели на свой счет. Я не разубеждал. Пусть думают так.

Параллельно с техниками дыхания изучались различные стили ведения боя с оружием. Да, я обучался с деревянными аналогами реального оружия, но Тигр, Малыш и Киоси уже спустя пару дней начали находить причину, чтобы не оставаться на базе в вечернее время.

Я иногда чуточку увлекался, но только иногда. Сэнсёя пока что победить не мог, а вот остальных... Ко нам приходили спарринговаться боевики из клана якудза Казено-тсубаса. Оябун господин Сато просил не щадить ребят, но и не ломать их сильно. Я и не щадил... Однако, обходилось без переломов.

Надо отдать должное боевикам – они с непроницаемыми лицами стирали кровь со ссадин и кланялись, благодаря за науку. Мне же они в качестве спарринг-партнеров очень и очень помогали. И вместе с тем Норобу тренировал со мной оммёдо – оттачивал закрепленные и выученные техники. Тут уже мы вместе выбрали наиболее эффективные техники защиты и нападения.

Пока я обучался всем этим боевым премудростям, на меня началась настоящая травля. То есть в сети всё больше и больше начали попадаться фейковые фотографии, переделанные анекдоты, истории с вашим непокорным слугой в главной роли. И это было не совсем хорошо. Можно даже сказать, что хреново.

Если первые подобные вбросы воспринимались со смешками и пониманием, то постепенно я начал замечать, что на меня начали коситься. И взгляды перестали быть понимающими. Похоже, что меня постепенно загоняли под плинтус, чтобы всё окружение получило предвзятую оценку и стало по меньшей мере относиться ко мне с пренебрежением.

С этим надо было что-то делать. Для этого я и собрал экстренное совещание в своем кабинете.

Описав всё происходящее, я спросил совета у близких. Малыш, Тигр, Киоси и Шакко в один голос заявляли, что нужно ответить тем же, что надо в ответку накидать большего, но я только качал головой:

– Ребята, не стоит уподобляться гнидам. Разоблачать фейки и вытаскивать правду наружу гораздо интереснее. Да, на это тратится время, но у нас осталось его не так уж много, чтобы суметь сделать что-то глобальное. Поэтому лучше не тратить время понапрасну, создавая такое же дерьмо... Такое же дерьмо... Такое же...

– Босс, ты чего? – окликнул меня Киоси. – У тебя такое лицо, как будто что-то придумал.

– Да, Киоси, придумал, но для осуществления мне понадобится ваша помощь, – улыбнулся я.

– Говори, что нужно сделать! – тут же сказали Тигр и Малыш, расплываясь в улыбке.

Они явно поняли, что впереди их ждет развлекуха, поэтому и не смогли сдержать растягивающихся губ. Неужели моё лицо так явно выдает эмоции? Надо бы нацепить покер-фейс, чтобы не разочаровать в случае неудачи.

– Тигр, ты как-то говорил, что у тебя появились в друзьях девочки-актрисы? – посмотрел я на сообщника.

– Да, они есть. Что, позвать их на вечеринку? – тут же загорелся Тигр.

– Как так? На какую вечеринку? – взбрыкнула Шакко. – А как же я? Прошла любовь и сакура опала?

– Вот видишь – какой он? А Малыш Джо всё ещё любит тебя и ни за что не оставит, – не упустил своего шанса второй сообщник.

– Ну, – замаялся Тигр и зло взглянул на друга. – Они для развлечения, а ты, Шакко, для души и для чувств! Мне без тебя и свет не мил и тьма не подруга.

– Да? Все вы мужчины одинаковы, – сморщила носик Шакко.

– Мы ушли от темы разговора, – напомнил я. – Тигр, твои актрисы могут играть соблазнительниц?

– Да они что угодно смогут сыграть. Даже Годзиллу, но только через неделю – им поесть нормально надо. А вот...

– Отлично. Тогда выбери самую красивую и познакомь меня с ней, – оборвал я его рассуждения.

Если Тигра иногда не тормозить, то он может запросто полдня болтать о чепухе, вроде того – почему он так любит мороженое...

– Всё понял, босс. Обязательно познакомлю. Но вот...

– Что «вот»? – вздохнул я.

– Кацуми-сан не будет против вашего знакомства? – с ехидцей взглянул Тигр.

– Сейчас на спарринг пойдем, – притворно нахмурился я в ответ.

– Всё понял, исчезаю, – замахал руками Тигр и бросился вон из кабинета.

– Шакко, Малыш, вам нужно собрать как можно больше информации о тех мастерах, которые согласились выступать на стороне Минори и его бойцов. Задача понятна? – взглянул я на ребят.

– Так точно, босс! – чуть ли не козырнул Малыш Джо.

– Насколько далеко я могу зайти в процессе... ммм «узнавания»? – хитро сощурилась Шакко.

Малыш тут же налился кровью, как спелый помидор. Ясно, девчонка его троллит. Ну что же, можно потроллить в ответ.

– Продвинуться можно настолько, насколько позволит твоя честь и достоинство, – парировал я. – Не думаю, что ты даже разрешишь себя поцеловать.

– Ну, может титьку покажу, – буркнула в ответ Шакко.

Малыш Джо хрустнул ручкой и уставился на свою ладонь, по которой начали расплываться фиолетовые разводы. Шакко невинно захлопала ресницами. Вот же егоза!

Черт побери, а ведь ручка была не из дешевых! С такими игривыми приколами я на одних ручках разорюсь!

– Валите отсюда, – буркнул я. – Пока мебель ломать не начали.

Шакко подхватила и, покачивая бедрами, пошла к выходу. Хмурый Малыш двинулся следом.

– Киоси, а для тебя будет особое задание, – сказал я. – Тебе надо раз в день проходить мимо дома преподавателя Казимото Исаи. Адрес я тебе вышлю на телефон. Проходишь, чуточку оглядываешься и старательно записываешь расположение камер наружного вида, электропроводов, входов и выходов.

– Как с якудза? – тут же загорелись глазенки тануки.

– Совершенно верно. Делаете всё незаметно, записываете за углом другого квартала. У тебя неплохо получилось прошлый раз, думаю, что неплохо получится и в этот. Всё понял?

За время нашего диалога я нашел на сайте академии адрес преподавателя Казимото и перекинул его на почту Киоси.

– Да, босс! – вот тануки не удержался от козыряния. – Всё будет сделано, босс! Эх, какое же веселье начинается! Как же я это дело люблю...

Он вскочил и метеором тут же бросился выполнять задание.

В кабинете остались только я, сэнсэй и медвежонок.

Сэнсэй молчал, Камавура тоже. Я набросал салфеток на чернильное пятно на столе. Похоже, что придется менять столешницу. Вряд ли эту пакость получится чем-то отчистить.

– Что ты задумал, Такаги-сан? – спросил Камавура, когда я методично начал вытирать чернила.

– Думаю максимально стереть пятно, – пожал я плечами.

– Нет, что ты задумал, ноппэрапон? – снова спросил Камавура. – Ты же не зря отослал ребят?

– Мне тоже кажется, что основной разговор начнется только сейчас, – кивнул Норобу.

– От вас ничего не скрыть. Я поражаюсь вашей мудрости, многоуважаемые сэнсэй, – поклонился в ответ на такие заявления.

Сэнсэй переглянулся с медвежонком. Они явно ждали от меня раскрытия плана. Ну что же, пришла пора его озвучить. Но я не мог отказать себе в удовольствии слегка их помучить. Они же меня мучили не по-детски, так почему бы не позволить себе маленькую месть?

Я аккуратно вытер то, что смог вытереть. Неторопливо выбросил использованные салфетки в мусорное ведро. Бело-синие комочки мягко приземлились в пластиковое нутро пакета. После этого я с огорчением взглянул на оставшееся на столе пятно. Оно по очертаниям напоминало итальянский «сапожок». Если Шакко не перестанет издеваться над парнями, то у меня не только ручки кончатся, но ещё и столешница в карту мира может превратиться.

– Ты долго будешь мозги е..ть? – не выдержал Норобу.

– Нет, я почти перешел к делу. Вот думаю – может быть попробовать растворителем? Жалко же такой стол выки... Эй!

Сэнсэй резко выбросил руку. Из ладони выметнулся небольшой огненный смерч и накрыл «Италию», оставив вместо неё ровный выжженный овал.

– Теперь одна твоя проблема решена? – поднял бровь сэнсэй.

– Да, но возникла другая... Надо менять столешницу и... Эй! Я пошутил! Не надо стол ломать! – успел выкрикнуть я прежде, чем ребро ладони сэнсэя опустилось на поверхность.

– Рассказывай, а то я ударю не стол, а уже тебя, – мягко посоветовал Норобу. – Возможно, даже сломаю ногу. И на руках носить не собираюсь, тем более, что бегать на них многоуважаемый Камавура тебя уже научил.

Я вздохнул. Вот умеет иногда сэнсэй находить такие слова, после которых сразу же хочется начать говорить.

– Да, дорогие учителя, от вас ничего не скрыть. Признаю это и в очередной раз удивляюсь вашей мудрости. А ещё... Всё-всё-всё! Перехожу к сути дела! – воскликнул я, когда медвежонок метнул в меня дыроколом. – В общем, пока я занимался, у меня созрел план по внесению разрозненности в ряды противника. Но самым первым моментом стоит вхождение в их ряды под видом Джиро. Хочу разузнать – что ещё они для меня приготовили?

– Джиро Хамада? Самый слабый из четверки? – спросил Камавура.

– Да, он не такой бедный, как Хидики Акиями, но его меньше всего замечают. Я узнавал, что и в старшей школе он в основном был на вторых, а то и третьих ролях. На этом фоне у него должен был развиваться небольшой комплекс неполноценности. Вот как раз на него-то, как на самое слабое звено и будет нацелен мой первый удар. Пока артистка Тигра соблазняет Хамаду, я займу его место и понемногу постараюсь вывести основные мотивы врагов. Уж что-что, а менять лицо и фигуру научился в полной мере. А с голосом вы мне помогите...

– Ну что же, вотвыведаешь ты их планы, а дальше что? Как сможешь воспрепятствовать? – спросил Камавура. – Может быть лучше сразу их всех положить? А что? Возьмешь с собой несколько мастеров из якудза и...

Для лучшего понимания медвежонок ударил лапу об лапу, показывая, как я должен буду поломать четверку. Выглядело это забавно. Этакий грозный кукольный вояка.

– Нельзя этого делать, – покачал я головой. – Четверка вряд ли бы стала вести такую организованную атаку на бедного хинина. Скорее всего атакой кто-то руководит со стороны. У меня есть подозрение на Казимото, но это всего лишь подозрение. Пока я не смогу убедиться окончательно – я не смогу выстроить правильную стратегию.

– А с теми мастерами? – спросил Норобу. – Тебе какая разница – кто они и что из себя представляют?

– С ними сложнее. Если эту четверку я уже смог немного узнать, то вижу и их слабые места – у Минори это гордыня и высокомерие, у Тетсуя – слабость характера, у Хидики – желание властвовать и руководить, у Джиро – неуверенность в собственных силах. По этим местам я и собираюсь ударить, а вот с остальными... Их надо тоже пробить и сделать небольшие приготовления, чтобы в нужный момент нанести психологический удар. Времени не так уж много, поэтому мне и необходим максимум информации по мастерам.

– А какая у нас в этом всё будет роль? – спросил Норобу.

– Вы продолжите меня тренировать. У вас это получается лучше всего, – сказал я с самой большой искренностью, на какую только был способен.

– Да? Но смотри – если вдруг что-то экстраординарное произойдет – только скажи, сразу же подтяну «старую гвардию». Ребята и так спрашивал – не нашел ли ты на свою задницу новых приключений?

– Застоялись кони в стойлах? – усмехнулся я в ответ.

– Да, Изаму-кун, застоялись. Пора бы стряхнуть пыль с гривы.

– Знаешь, если я всё правильно понимаю, то против меня идет не просто преподаватель боевых искусств, а кое-кто посерьезнее. Да и сам преподаватель Казимото... Слишком уж вызывающе было с его стороны воспользоваться Дьявольским Шаром. Господин Камавура, мне кажется, что ваша смерть и появление Исаи явно связаны друг с другом. Вас заставили совершить самоубийство... Если бы мне было не так похер на все их усилия, то я бы тоже мог пойти по вашему пути.

– Но ты же у нас другой формации, – хмыкнул медвежонок. – Я смотрю на тебя и порой удивляюсь – почему ты не сдаешься? Как можешь идти там, где другой обязательно бы повернул назад? Почему ты такой упертый и не хочешь даже думать о возможном поражении? Почему лезешь в самое пекло и стараешься заступиться за бедных и убогих? Кто тебе эти хинины? Они даже знать не знают, что ты за них жопу рвешь, а ты и не собираешься останавливаться. Скажи, почему?

– Может потому, что я русский? – с улыбкой сказал я. – Меня с детства учили, что русские не сдаются.

Медвежонок презрительно хмыкнул и отвернулся. Я видел, что его покорибил мой ответ. Ну да, это болезненный удар по японскому самолюбию. Однако, он сам произнес слова и теперь их уже не засунуть обратно. А японцы известные националисты, взять тот же кодекс «бусидо», который определяется как «путь самураев». Поэтому они очень ревностно относятся к проявлениям хороших качеств со стороны других наций. Поэтому до сих пор ведутся войны между каратистами и поклонниками кунг-фу.

Похоже, что сейчас я задел одну из струнок души, что мне потом ещё аукнется. Медвежонок усилит свои тренировки...

– Что же, твои мысли кажутся разумными, ученик Изаму. Сдается мне, что ты взрослеешь не по дням, а по часам, – сказал сэнсэй. – И от этого более отраднo становится, что я немало сил приложил к появлению твоей мудрости. Да, теперь ты не камень...

– Спасибо, сэнсэй, я растроган.

Я уже и забыл, что Норобу вообще знает слова похвалы.

– Да, теперь по разуму ты уже ближе к бабочке, – тут же исправился Норобу.

Пришлось вздохнуть в ответ – Норобу слов похвалы не знает.

– На этом и порешили. Мне предстоит ещё встреча с артисткой Тигра, чтобы разъяснить ей действия, а потом уже пойдет внедрение в банду. Если не вернусь... считайте меня самураем, – я широко улыбнулся и подмигнул своим учителям.

– Если ты не вернешься, то мы будем считать тебя долбо..ом, – хмыкнул Норобу, а Камавура покивал, поддерживая слова сэнсэя.

Глава 2

Ода Мицухидэ торопился в безопасное место. Он то и дело оборачивался, всматривался в лица прохожих, шарахался от вспышек рекламных щитов.

Сейчас ему надо было добраться до главного офиса. Там помогут... Там спасут...

Ода Мицухидэ споткнулся и едва не нырнул носом в мусорную урну. Удержался за фонарный столб, но тут же вскрикнул от боли. Отдернул руку, в которую словно жажнул разъяренный шмель.

Полный мужчина, чье лунообразное лицо скорее портила, чем украшала жидкая бородка, уставился на тыльную сторону ладони. Зрачки расширились ещё больше. Раскрасневшееся лицо побледнело.

Это была его первая игла...

Та самая, с помощью которой он испытал невероятный оргазм, когда запускал острие под ногти связанной проститутке. Перед глазами промелькнуло её кричащее лицо. И эти ощущения...

Несмотря на боль и страх в его паху снова потяжелело.

Ода Мицухидэ оглянулся на ту крышу, с которой могла прилететь игла. Конечно, в вечернем небе ничего не видно. Этот неведомый убийца был невидимкой. Он появлялся, наносил удар и тут же исчезал.

Бежать! Бежать! Бежать!!!

Ведь он остался один. Один против этого неведомого демона! Охрана Мицухидэ вся полегла ещё в доме госпожи Хати...

Пять человек! Пять! Отборные воины! Действующие капитаны армии императора! Пять мощных тренированных машин для убийства, которым неведом страх, колебания и даже само слово «нерешительность»!

И теперь эти пять человек лежат в доме госпожи Хати. В доме, где лучшие гейши блюдут свою честь и достоинство, а за всю жизнь могут познать только троих мужчин! Лучший дом и лучшая охрана...

Ничего из этого не помогло охране генерала Мицухидэ! Ничего!

Смутная тень пронеслась по залу, с компьютерной точностью выбирая людей из охраны. Вскинул голову один, согнулся второй, хрустнула черепная кость третьего, подлетел четвертый и мягко осел на пол пятый. Всё это заняло меньше трех секунд, а потом смутная тень пропала. Возникла на миг уже возле генерала...

– Кто ты, ублюдок? – привычка ругаться проявилась и в этот момент.

– Я твоё возмездие. Ты за всё получишь сполна, – прошепстала тень. – Беги и может быть спасешься...

В следующий миг рука полыхнула болью, а тень исчезла.

– Эй, вы, охрана! На меня напали! – взвыл генерал Мацухидэ.

Он взвыл, но никто из охраны ему не ответил. Только тонко завизжали и рассыпались в стороны находившиеся в доме женщины. Мацухидэ рванул к своим охранникам и отпрянул в ужасе...

Глаза пятерых охранников были также пусты, как глаза второй жертвы Мицухидэ. Той тощей бабы с обвисшими титьками... Когда он двадцать лет назад вышел из соломенной хижины, то в ней изломанной куклой осталась лежать только обнаженная женщина с перерезанным горлом. Её семья: муж и двое детишек висели на ветвях сакуры, слегка покачиваясь от весеннего ветра. Солдаты прятали глаза, но Мицухидэ тогда во второй раз испытал невероятный оргазм и плевать ему было на ниточку слюны возле рта и красные от крови пальцы. Но это было тогда, а сейчас...

Бежать! Бежать!! Бежать!!!

– Эй! Ты чего!

– Куда ты прешь?

– Стой! А ну вернись!

Такие крики раздавались вслед Мацухидэ, когда он бежал по наполненной народом улице. Не обращал внимания – жизнь важнее чьего-то недовольства. Подумаешь – толкнул...

Да чтобы выжить, он готов рвать глотки! Готов уничтожать, резать и душить! Только бы спасти свою жизнь, только бы вздохнуть на несколько тысяч раз больше. Увидеть в очередной раз, как жизнь выходит из другого... Лучше из другой...

– А-а-а! Ссука-а-а! – завопил Мацухидэ, падая на одно колено, а рукой попадая в чашку для подаяний лохматого бомжа.

Грязный обитатель улиц с черными от кариеса зубами, грязной рожей и пальцами в цыпках уставился на него. Да как он вообще оказался перед генералом? Почему его не схватила полиция?

– Чего? Ты у меня хочешь деньги спиз..ть?! – завопил бомж. – На тебе! На! На!

Для стороннего наблюдателя это было всего лишь мелкой потасовкой, но Мацухидэ ощутил, как его ноги начинают отказывать, руки слабеют, а в глазах темнеет. Удары бомжа попадали в те точки, которые использовались для выведения из строя противника. Но откуда о них знал бомж? Он бывший военный?

Мацухидэ ткнулся лицом в грязный асфальт и тут же получил грязной пяткой по затылку. Лоб ударил в асфальт настолько сильно, что на серую поверхность посыпались искры из глаз.

– Да ты охренел? – взбрыкнул Мацухидэ. – Я тебе...

Он осекся – бомжа перед ним как не бывало. То есть он только что сидел перед ним, и вот уже осталась только грязная картонка и иероглифы о том, что подаяния собираются на смерть маньяка-генерала Мацухидэ.

Он вырвал из икры сюрикен и простонал – точь-в-точь таким же он перерезал горло той женщине. Даже закругления четырех лучей похожие. Вроде свастики, только круглее и острее, с латинской буквой «М» в центре. Фирменный сюрикен молодого лейтенанта Мацухидэ...

Накинуть Доспех Духа! Почему он раньше об этом не подумал? Почему только сейчас? Вот-вот! Сейчас! Сейчас! О-о-о, не-е-ет...

Мудры не складывались!

Неведомый убийца ещё в доме госпожи Хати покалечил руку так, что указательный палец правой руки не сгибался в мудре. А без мудры "истины" не получалось создать Доспех Духа.

Этот неизвестный убийца всё предусмотрел. Он как будто играл с генералом. Гнал его по улицам Токио и не давал укрыться в домах. Когда Мацухидэ пытался забежать в магазинчик женского белья, то перед лицом свистнул тонкий предмет, а в следующий миг в косяке возник дрожащий, как будто от гнева, кунаи. Мацухидэ отпрянул, оглянулся, но как и в прошлые разы никого не смог увидеть. Такой же кунаи возник в двери офисного здания, когда Мацухидэ сделал очередную попытку войти и укрыться от неведомого преследователя. Кунаи стукнул ровно на два миллиметра от руки генерала, срезав пару волосков.

Бежать! Оставалось только бежать!

Бежать как те севернокорейские сучки, которых голыми пустили по минному полю. Саперов было долго ждать, а армии нужен был проход. Женщины бежали, подбадриваемые выстрелами. Они озирались, падали, но майор Мацухидэ только криво усмехался, глядя на очередной всплеск земли пополам с оторванными конечностями. Сучек хватило только на половину поля. Всё-таки пришлось ждать саперов, чтобы те разминировали остатки заложенных повстанцами мин.

Кровь женщин была такого же цвета, как та, что сочилась из ноги Мацухидэ.

Впереди стоял мужчина с дипломатом в руках. Костюм, белая рубашка, черный галстук – типичный офисный планктон из тех, кто каждое утро встает с мыслью подняться по карьерной лестнице. Но самое главное – у него был телефон!

Надо вызвать подмогу! Бронированный автомобиль выдержит попадания любого сюрикена и любого кунаи. Что уж говорить про иглы. Нет! Надо, чтобы его встретили! Чтобы могли накинуть на тушку генерала бронежилет и вылечить покалеченную руку. Заживить ногу и ладонь...

Хромая и поскуливая от боли в ноге, Мацухидэ приблизился к офиснику. Тот испуганно уставился на мужчину, который был похож на сбежавшего из сумасшедшего дома. Дикий взгляд, растрепанные волосы, следы засохшей крови на подбородке – такой испугает кого угодно. Мужчина даже заслонился дипломатом, как будто тот мог его защитить.

– Дай сюда! – прорычал Мацухидэ, выдирая телефон из пальцев офисника. – Дай сюда, тыловая крыса! Я за тебя воевал!

– Так нельзя! Так нельзя! Это мой телефон! – тонким голосом взвыл мужчина.

Он прыгал возле генерала, как мальчишка прыгает возле отца, когда тот возвращается в праздничный день с рынка. Только у Мацухидэ, в отличие от отца мальчишки, вовсе не было подарков.

– Пошел прочь! – рявкнул генерал, отшвыривая назойливого офисника.

Мужчина отлетел на асфальт, а его дипломат грохнулся на ногу генерала, задев острым углом по подъему стопы.

– Вот же сука-а-а! – рявкнул генерал.

В этом крике воплотился страх, боль и весь ужас бег. Где тот убийца? Где он прячется? Удастся ли добежать до главного офиса, чтобы укрыться за сталью стволов и бетонными стенами?

Цифры! Цифры!

Какой же там телефонный номер? Эх, почему же он оставил свой телефон в доме госпожи Хати? Слишком быстро устремился прочь! Слишком сильно хотел спасти свою жизнь, а теперь...

Набранный номер показался похожим на нужный. Неужели память Мацухидэ не подкачала в нужный момент?

– Алло! – раздался бодрый мужской голос в мобильнике. – Прачечная "Кровавая сакура" вас слушает!

– Ху..ечная! – взорвался Мацухидэ. – Мне нужен главный офис министерства обороны Японии. Немедленно позвоните туда и скажите, что генерал Мацухидэ находится на...

– Я знаю, где ты находишься, – вкрадчиво ответил голос. – Я как раз за тобой наблюдаю. От возмездия не скрыться, генерал! Ты ответишь за каждую смерть!

Голос тени! Того самого убийцы!

Мацухидэ едва не завыл от отчаяния и ужаса. Он обернулся, ища глазами того самого прилизанного офисника, но того и след простыл. Только шарахались от человека с безумными глазами прохожие, да улыбалась с рекламного щита миловидная тяночка в матросском костюмчике. Она рекламировала напиток с добавлением морской соли.

– Это была война! Мне приказали! – вскрикнул генерал.

– Тебе приказывали измываться над женщинами, стариками и детьми? – произнес всё тот же голос. – Нет, это была твоя инициатива. Беги, генерал, беги... может быть спасешься. А сейчас... Бум!

Неожиданно под ногами генерала подскочил дипломат. Из него вырвался клуб дыма, а внутри... внутри лежали человеческие внутренности! Красно-сизые, дымящиеся, недавно живые... Похожие на те, которые волочились из разорванных туловищ тех голых сучек... Только из этих торчали флажки с надписями: "Бум! Бах! Тара-рах!", а не осколки и веточки...

Мацухидэ отшатнулся, выронил телефон и в этот момент раздался детский крик:

– Мама, смотри, мармеладные червячки! Можно мне взять одного?

Генерал в растерянности оглянулся. В дипломате в самом деле лежали сладости – мармеладные червячки. Незнакомый убийца постарался выбрать красные и синие мармеладки. Вот надо же было так заморочиться...

Мацухидэ растерянно посмотрел по сторонам. Ни одного знакомого лица. Все кажутся какими-то злыми, ненавидящими. Неужели среди них скрывается тот самый убийца?

– Беги, генерал! У тебя всё меньше времени! – раздался крик из телефонной коробочки.

И он снова побежал.

Прихрамывая, оступаясь на каждом шагу, Мацухидэ бежал в толпе людей и чувствовал себя необычайно одиноким. Он был загнанным зверем для охотника. Наверное, такие

же чувства испытывала та многодетная семья в Тайланде, где майор Мацухидэ с друзьями устроил сафари на человека. И как же было забавно видеть, что под выстрелом падает очередная фигурка.

Нажатие на спусковой крючок и новая улыбка. Нажатие и адреналиновый всплеск. Нажатие и... Как же стонала под ним полковая сучка, когда майор в тот день пришел в свой кабинет. Стонала до тех пор, пока пальцы не сомкнулись на нежной шее...

Нет! Надо попытаться спрятаться!

Этот убийца не может выстрелить в него в толпе людей, но может оказаться рядом. А вот если спрятаться вон в том строящемся здании, то тогда...

Бежать! Туда! Скрываясь за стоящей техникой, прячась за сложенными блоками, ползая по металлическим трубам...

Если получится пройти на другую сторону, то там... через улицу и ограждение... Там будет офис министерства обороны. Там будут бойцы, которые защитят генерала. Там будет...

Неожиданно перед глазами мелькнула большая петля троса. Она схватила за горло и потянула вверх. Тонкие торчащие в стороны проволоочки впились в кожу, протыкая и вызывая наружу кровь. Мацухида схватился за трос, не взирая на боль от проволочек, потянулся вверх, лишь бы ослабить воздействие троса, лишь бы вдохнуть лишний глоток воздуха, пока ноги болтались внизу.

В глазах потемнело. Наверное, такие же чувства испытывала та самая сучка, которая судорогами доставила незабываемые ощущения тогда ещё майору Мацухидэ.

Его подняло на уровень третьего этажа и повлекло к зданию. Поташило с неумолимой силой. Ветер радостно свистнул в ушах, как будто сообщая, что он тот самый ветерок, который покачивал повешенную на сакуре семью. И сейчас ветер будет рад покачать новую игрушку...

Ноги ударились о твердую поверхность бетона. Генерал сразу же вытянулся на цыпочки – лишь бы сбросить колючую удавку с шеи. Пусть из царапин начала течь горячая кровь. Пусть, это временно. Самое главное, что впереди, уже виднеется здание министерства обороны. Вон, пятиэтажное здание. Суровое, без всяческих гражданских украшений. Военное...

Надо лишь добежать до него. Только лишь успеть...

Надо добежать до лестничного проема, пробежать по ступенькам, вынырнуть в окно и оказаться на другой стороне здания. А там уже через забор и быстро-быстро...

Из лестничного проема показался человек. Какой-то белобрысый пацан с татуировкой на щеке. Пацан шел и улыбался. И эта улыбка не предвещала ничего хорошего. Такую улыбку генерал видел на недавних фотографиях. Видел её на своём лице, когда его снимали для газет. Когда он нажимал кнопку на пусковой установке и посылал снаряды, несущие смерть, в скопление мирных жителей.

Мальчишка вышел и остановился возле входа. Скрестил руки на груди. В правой руке поблескивала круглая красная крышечка, похожая на кнопку пуска. Он не казался опасным. Скорее, мальчишка казался заблудившимся.

Да генерал даже в нынешнем не очень хорошем состоянии сметет его парой ударов. Не зря же он принимал столько биодобавок и занимался кудо столько лет. Мацухидэ двинулся к лестничному пролету.

Мальчишка-хинин не отступил ни на шаг, всё с той же улыбкой насмешливо посматривая на генерала. Похоже, что это какой-то наркоман, зашедший на стройку, чтобы без лишних глаз пустить по вене или нанюхаться вдоволь.

– С дороги, щенок! – взревел генерал, продолжая надвигаться на стоящего хинина.

– Да нет, пришла пора поболтать, – ответил мальчишка. – И пришла пора ответить за всё.

– Что-о-о? – протянул генерал.

Неужели этот мальчишка и есть тот самый преследователь, та самая тень, которая гнала его по Токио? А кто же были остальные? Бомж, офисник? Что это?

– Я обещал тебе, что всё воздастся? Пришла пора возмездия, – руки мальчишки опустились.

Генерал взревел раненым тигром и бросился на хинина, в мыслях уже ломая руки и ноги странного полудурка. Он налетел, высоко вздымая кулак, способный проломить грудную клетку непослушного солдата, который отказался стрелять в мирных жителей. Того солдата списали на военные потери, даже какую-то медальку бросили, чтобы заткнуть мать.

Буц!

Мацухидэ наткнулся на невидимую стену и отлетел на пару шагов. Те места, где он соприкоснулся с воздушной преградой, сначала налились тьмой, а потом рассеялись. Он снова прыгнул на мальчишку-хинина – тот же результат.

Мальчишка вздохнул, как будто сожалел о поступках генерала. Из его открытых ладоней начал струиться черный дым. Неторопливые клубы опускались на бетонное покрытие. Дым формировался в два огромных питона, которые пока сворачивались кольцами на полу.

– Я не виноват! Мне приказали! – заорал в ужасе генерал. – Сука! Да пойми ты! Это была война!

– Ни одна война не оправдывает того, что ты сделал, – мальчишка поднял глаза и генерал нервно икнул.

Взгляд хинина был таким холодным, как будто две пули большого калибра окунули в азотную кислоту, а спустя час вытащили и вложили в человеческие глазницы. В глазах не было ни капли сострадания. Ноги у генерала подкосились, и он тяжело осел в пыль. Спасенья не было...

– Пощади-и-и! Я не винова-а-ат! Мне приказа-а-али-и-и, – чуть слышно провыл Мацухидэ.

– Ода, скажи это тем, кого убил, – проговорил ровным голосом белобрысый хинин.

Из черных колец начали выныривать и пропадать лица. Те самые лица... Лица убитых им лично...

Генерал в ужасе пополз в сторону окна. Надо ползти! Надо спрятаться от этих ненавидящих взглядов. А между тем из черных клубов выныривало всё больше и больше лиц.

– Я не винова-а-а-ат! – выл Мацухидэ не переставая.

Он видел, как одно лицо оторвалось от клуба и полетело к нему угольной кометой. Призрак влетел в руку на уровне бицепса и вылетел с другой стороны, оставив только невыносимое жжение.

– А-а-а-а!!! – раздалось под сводами недостроенного здания.

Вылетело ещё и ещё одно лицо. Спокойные, одухотворенные, улыбающиеся. Всё новые и новые лица вылетали и пронзали насквозь пухлое тело генерала. Каждое из этих лиц Мацухидэ помнил. Обладателя каждого из них он убил...

И каждое лицо пронзало тело генерала. Каждое пронзало раскаленным арматурным прутком, оставляя жгучую боль. Каждое проходило насквозь и ныряло в дымную кучу, чтобы вынырнуть и промчаться с новой силой. С новой болью...

Через три минуты тело генерала перестало содрогаться. Черные клубы дыма втянулись обратно в руки молодого хинина. Он сумрачно взглянул на труп.

– Ты довольна, Оива?

Генерал открыл глаза и саркастически улыбнулся:

– Да, Изаму-кун, всё сделано превосходно. Мне очень понравилась твоя импровизация. Бомж и офисный служака выше всяких похвал. А эти мармеладные червяки... Ммм, красота. До следующей встречи, Идущий во тьму!

После этого генерал закрыл глаза, чтобы никогда их больше не открывать. Белобрысый хинин развернулся и пошел прочь.

Глава 3

В моём мире двести лет назад император Франции Наполеон проигрывал англичанам Битву при Ватерлоо. По легенде, за сражением внимательно наблюдали богатеи Натан и Якоб Ротшильды. Кроме финансовых забот, Ротшильды могли позволить себе ещё одно хобби – почтовых голубей. Быстрых и стремительных крылатых курьеров.

После битвы голуби были немедленно выпущены с шифрованными инструкциями, привязанными к лапкам. Но Ротшильды не хотели рисковать и, едва убедившись, что Наполеон проигрывает сражение, Натан, загоняя дорогих лошадей, сам помчался в Лондон.

Утром Натан Ротшильд явился на Лондонскую биржу. Он был единственным в Лондоне, кто знал о поражении Наполеона. Сокрушаясь по поводу успехов Наполеона, хитрец немедленно приступил к массовой продаже своих акций. Все остальные биржевики сразу же последовали его примеру, так как решили, что сражение проиграли англичане. Английские, австрийские и прусские ценные бумаги дешевели с каждой минутой и... оптом скупались агентами Ротшильда. О том, что Наполеон проиграл битву, на бирже узнали лишь через день.

Многие держатели ценных бумаг покончили с собой, а Натан заработал 40 миллионов фунтов стерлингов. Реальная информация, полученная раньше других, позволила Ротшильдам вести беспроигрышную игру на бирже. Ротшильды не только придумали знаменитую фразу «Кто владеет информацией, тот владеет миром», они подготовили все, чтобы информация попадала в первую очередь к ним.

Именно такой тактикой я и решил воспользоваться по отношению к предстоящему сражению. Мне просто необходимо было обладать как можно большей информацией, чтобы не только самому подготовиться к бою, но и подготовить к нему остальных участников.

Малыш и Шакко принесли в клювике факты о четырех мастерах, которых взяли на подготовку к грядущему бою с хинином. К "избиению червя", как говорили Минори и его шайка. С этими фактами мне и предстояло поработать в будущем, чтобы выйти во всеоружии.

Однако, анализировать предоставленные факты можно и во время выполнения другого задания. Артистка Тигра сумела познакомиться с Джиро, даже соблазнила его на свидание. Вот как раз в это время, мне и нужно будет подобраться к Минори и оставшимся ребятам. У меня всё было готово, так что осталось только дожждаться воскресенья.

Ради операции я перекинулся Джиро. Трансформация в другого человека с каждым днем давалась мне всё легче и легче. Операцию я назначил на вторую половину дня, чтобы неторопливо всё провести.

Артистка Тигра в смске скинула мне данные, где обычно собираются молодые люди на выходных. В этот же день у неё было запланировано свидание с нашим общим другом. Я попросил её добавить в напиток Джиро снотворного. Созрел у меня ответный план насчет этой четверки, а сонное зелье поможет его осуществлению. Так что, когда она вытащила Джиро на свиданку, я твердой поступью отправился в стан врага. Подделать голос не составило большого труда, а по фигуре мы были почти одинаковыми. Надо ли говорить, что я тоже взял с собой баночку с каплями снотворного?

Шел и насвистывал тему из "Семнадцати мгновений весны". Чувствовал себя Штирлицем. Вот только старого "Мерседеса" не хватало, чтобы поспать в нем полчаса, но пока что обойдемся и без него. К тому же, у меня не было возможности быстро найти машину, похожую на машину Джиро Хамада.

Минори с приспешниками в основном тусил в клубе «Трезвая гейша», что неподалеку от района Сибуя. Они использовали этот клуб, как базирование своей учебной ячейки. Вроде как вели образовательную деятельность, а по сути, закидывались сакэ и слабой наркотой.

В ночном клубе пока что было безлюдно. Трое офисных работников с ноутбуками не брались в расчет – они вроде бы были, но их как бы не было. Да вы видели таких не раз – полностью погруженные в мониторы ноутбуков и ничего вокруг не замечающие.

Со стороны кухни доносились запахи жареного мяса и заваренной лапши. За стойкой полусонный бармен меланхолично протирает бокалы. Почему-то во всех барах, пока нет посетителей, бармены всегда протирают бокалы. Возможно, это влияние американских фильмов, где разливатели смелой воды постоянно трут и протирают.

Меня с улыбкой встретила девчонка-хостес. Я невольно залюбовался её длинными ножками, которые откровенно выглядывали из-под черной кожаной юбки, больше похожей на пояс. Она явно чувала мой взгляд и наворачивала попкой при ходьбе так, словно танцевала «Ламбаду».

Девчонка провела меня в небольшую комнату чил-аута, где задрапированные тяжелым синим бархатом стены создавали своеобразный уют. Внутри, на кожаных диванах развалилась остальная троица заговорщиков. Журнальный столик чуть ли не прогибался под тяжестью бокалов, стаканов, рюмочек и бутылок. Ребята точно заседали не первый час.

– Эгей! Джиро-кун! – воскликнул Минори, когда я появился внутри. – А как же твоя встреча? Или ты в сексе такой быстрый, что обгоняешь даже синкансен?

Хидики тут же заржал на шутку предводителя, ему вторил Тетсуя. И в то же время, я успел заметить, как Хидики кинул взгляд на меня, оценивая – как яотреагирую на подкол. Он словно фиксировал мои эмоции, чтобы потом как-то их использовать в свою пользу.

Да, как я и предполагал – он самый опасный из всей четверки. Этакий серый кардинал. Надо с ним держать ухо востро.

– Да чего там, – нахмурился я в ответ на шутку. – Эта девчонка сначала захотела в ресторан, потом в клуб, а потом походу собралась домой. Типичное «динамо». Покрутила бы мной, на халяву пожрала и поразвлекалась, а потом оставила бы ни с чем. Но Джиро Хамада не такой! Со мной такие шутки не проходят!

– Да! – поддержал со смешком Хидики. – У Джиро либо раздвигай ноги, либо закрывай рот и проваливай!

И снова этот оценивающий взгляд. Вроде бы и похвалил, но с другой стороны – сарказмом веяло за версту. Мол, смотрите, я хвалю этого полудурка, но на самом деле презираю его всеми фибрами души.

Как бы среагировал туповатый Джиро на подобное заявление? Вот и я расплылся в улыбке, словно не замечая издевки в голосе Хидики.

– Всё точно так, Хидики-кун! – кивнул я. – Джиро такой! У меня не забалуешь! Девка оказалась ушлая, но я ещё хитрее и проницательнее. Я бы разделался с ней, как мы разделяемся с хинином, но там было много народа. Поэтому я просто встал и покинул ресторан под предлогом «попудрить носик». Даже не заплатил за обед – пусть платит «динамщица». Я победил её хитрость, а вот эту чашку сакэ я бы поднял за будущую победу над хинином!

В процессе моей речи лица «друзей» всё больше расплывались в улыбке. Когда же схватил чашку, то они тоже взметнули свои в здравнице.

– За победу! – рявкнул Минори.

– За победу! – поддержали Хидики и Тетсуи.

– За нашу победу! – сказал я проникновенно и снова вспомнил Штирлица.

– Кампа-а-ай! – раздался в чил-ауте рев четырех глоток.

Мы разом опрокинули алкоголь. Привычно защипало вкусовые сосочки, а в нос шибануло рисовой отрыжкой. Я улыбнулся и плюхнулся на диван.

Эх, ну и шпион же я! Пока что не раскрыли, да и вряд ли раскроют, так как уже здорово накатили. Вон, глазки у Тетсуи уже в кучку собираются и друг друга на фиг посылают. С таким контингентом как не поработать? Одно сплошное удовольствие – ведь что у трезвого на уме,

то у пьяного на языке. Или, как любил говорить майор Соколов: "Что у трезвого на языке, то у пьяного на пиджаке".

Только вот Хидики притворяется, что бухает со всеми наравне – я заметил, что часть сакэ выплеснулась через плечо. Рискованно, если вдруг заметят подобный выверт, то могут подумать по меньшей мере, что не уважаешь. Зато он сделал пару глотков яблочного сока, чтобы показать, что запивает сакэ.

Да уж, с Хидики надо держать ухо востро... Если он не позволяет себе пьянеть, то

– Ну как, лихо мы с хинином расправляемся? – спросил я, когда все устроили жопы на диванах. – Есть ещё какие мысли по поводу того, как его ещё обосрать?

– Да! Конечно! Хинин нервничает, как и говорил Казимото! – закурил Минори. – Но, господа, нам нужно увеличить нажим! Того, что показывается в соцсетях маловато. Хинин пусть и через силу улыбается, но надо сделать так, чтобы он вообще не мог улыбаться.

– Может, порезать ему рот? – пьяно пробубнил Тетсуи. – А что? Пустить дождь из бритв и сказать, что это несчастный случай...

– Нет, это вряд ли получится сделать, – помотал головой Хидики. – Нас же тоже связывает Дьявольский Шар... Мы ничего не можем ему сделать, но... Мы можем ударить его по карману или по его слугам. Он же вроде как через якудзу начал получать свою прибыль? Значит, надо перекрыть ему финансовый поток и посмотрим, как после этого хинин будет платить за обучение!

Во как... Похоже, что я попал на нужное собрание! Если сейчас будут обсуждаться финансовые вопросы, то лучше быть в курсе и подготовиться к тому, что на мой карман начнется охота.

– А как ему перекрыть этот самый поток? Отжать бизнес? – спросил я. – Это надо напасть на него и забрать все документы...

– Нет, достаточно будет выкупить его долю в социальных сетях, – пожал плечами Хидики. – Что у него ещё есть?

– Ещё вроде мототакси, – икнул Минори. – Набрал из босодзоку. Гоняют по пробкам. Девиз "Быстрее, дешевле, безопаснее".

– С этими ещё проще справиться. Надо подловить момент, когда его таксисты будут ездить по улицам и начать трепать нервы. Можно подсылать к нему неадекватных клиентов и потом снимать, как таксисты будут орать на этих самых подосланных. Можно вызывать такси, а потом не выходить на связь. Можно не платить и убегать прочь. Можно подрезать на машинах или мотоциклах и потом тоже выкладывать ролики... Да в конце концов можно просто объявить охоту и платить по тысяче иен за каждый присланный ролик, где мототаксисты будут оскорблять других водителей, – неторопливо говорил Хидики.

Черт, а у этого фраера голова варит. Надо взять на заметку эти ходы. Мда, ребятам-мототаксистам предстоят хреновые времена, а ведь их только-только удалось усмирить и взять под контроль. Только-только потенциальные бандиты вступили на путь исправления и честной жизни, как их тут же хотят ввергнуть обратно. И ведь Хидики прав – если моих ребят начнут щемить по всем фронтам, то они вряд ли выдержат такое давление. Сорвутся и набьют кому-нибудь морду.

Мда, надо будет над этим конкретно подумать.

– Хидики-сан, какой же ты умный, – присвистнул я. – Я бы никогда не догадался о таком...

Я выпучил глаза и даже приоткрыл рот, чтобы показать, как удивлен умищем Хидики. Минори слегка нахмурился. Ну да, лидер не любит, когда в группе хвалят не его.

– Да это мне недавно Минори-сама идею подкинул, – широко улыбнулся Хидики. – Уже на основании его мыслей я и додумал план. У нас Минори Огава всему голова!

Красавец! И подлизнул и честь не уронил. Пусть даже Минори ничего такого не делал, но всё равно сейчас не осознается и в самом деле будет думать, что это он закинул такую шикарную идею, а Хидики только додумал. Эх, если Хидики будет чьим-нибудь помощником, то цены ему не будет. Но что-то мне подсказывает, что помощником он будет недолго и запросто пройдет по голове начальника, чтобы самому подняться повыше.

Наследник своего рода, Хидики пока что считается на одних из последних ролях. Со временем его род, с такими-то мозгами может подняться чуть выше к императорскому трону.

– Да ладно, это не представляло для меня сложности, – напыщенно проговорил Минори. – Подумаешь, выдать очередную гениальную идею. Да в роду Огава дураков не водится.

Я заметил, как на краткий миг правый глаз Хидики чуть дернулся. Не моргнул, а именно дернулся. Но в тоже время он совладал с собой. Если не приглядываться, то ничего не заметишь.

Что же, я достаточно услышал. Вряд ли они будут ещё что-то замышлять, а между тем скоро солнышко покатится к горизонту.

Пора действовать!

– Ребята, я вам предлагаю выпить за Минори-куна! Пусть в его голову почаще приходят разные светлые идеи, а мы уже подхватим их и воплотим в жизнь! – я вскочил, как будто от восторга не мог усидеть на месте, и начал отбивать слова правой рукой. – Да! Под началом господина Огава мы Фудзияму перевернем с ног на голову! Банзай, Огава-сама! Долгих лет тебе и ясной памяти!

– Я согласен с Джиро-куном! – пьяно подхватил Тетсуи. – Давайте выпьем! За Минори и наш крестовый поход против хинина.

– Да! Отличный тост! – подыграл Хидики. – За род Огава! Расти и процветай!

Хидики разлил всем из бутылки в чашечки, поставил бутылку, а уже я налил ему. Всё так как принято – сначала разливает тот, кто моложе или беднее, а потом следующий по ранжиру наливает ему. Даже в обычной молодежной пьянке следуют традициям.

Минори улыбался. Было видно, что на этот раз ему приятны восхваления и дифирамбы.

– Кампай! – воскликнул он, поднимая чашечку вверх.

– Кампай! – поддержали остальные.

Я тоже не стал отставать и рявкнул вместе со всеми.

Дальше пошли мужские разговоры. То есть говорили про баб, машины и боевые искусства. Я узнал, что преподаватель боевых искусств серьезно взялся за подготовку мастеров. Он гонял их так, что при должном усердии могли стать первоклассными бойцами. Но есть ли это усердие у мастеров? Я не заметил. Они с неодобрением отзывались о своём преподавателе.

А ведь этого делать ни в коем случае нельзя. Если человек обучает тому, что пригодится в жизни, то надо к нему прислушиваться изо всех сил. Тем более, что от его усилий во многом зависит исход решающей битвы между хинином и аристократами, но нет... Неблагодарные отродья... Впрочем, мне это было только на руку.

Я прекрасно помнил завет китайского мудреца и стратега Сунь Цзы:

"Пусть на улицах вражеской столицы шепчутся, что князь обворовывает народ, советники его предали, чиновники спились, а воины голодные и босые. Пусть жители калечат имя своего князя и произносят его неправильно... Пусть им при сытой жизни кажется, что они голодают. Пусть состоятельные жители завидуют тем, кто в княжестве Вэй пасет скот. Разжигайте внутренний пожар не огнем, а словом, и глупые начнут жаловаться и проклинать свою родину. И тогда мы пройдем через открытые ворота..."

Если эти раздолбаи кичатся своим происхождением и презирают низкородного учителя, то почему бы не подлить масла в огонь? Я тоже высказался против Казимото. Пусть мои слова лягут семенами в благодатную почву. Чем больше мастера ругают своего учителя, тем больше шансов, что его учеба будет не так эффективна.

Постепенно глаза моих "друзей" понемногу слипались. Они кивали головами, медленно моргали, с трудом поднимали веки. Я тоже делал вид, что засыпаю. Наконец, наступил тот миг, когда трое моих друзей окончательно поникли головами. Пришлось даже попинать их слегонца, чтобы окончательно удостовериться.

Следом я вызвал Мрамора и Тигра. С их помощью погрузил ребят в машину, а после мы повезли их в солярий. Работникам клуба объяснили, что ребята перебрали, поэтому мы везем их по домам. По всей видимости к подобным ситуациям в клубе привыкли, поэтому просто покивали в ответ. Правда, мне пришлось оплатить счет, а погуляли эти сорванцы не хило. Ну да ничего, завтра мои траты должны будут окупиться.

Вы спросите – для чего мы повезли их в солярий? А тут всё просто. Это старый прикол из моего мира. Сейчас расскажу.

В солярии нас уже ждала артистка Тигра, довольно миловидная особа, Малыш и спящий Джиро. Я заплатил девушке-хостесу (ещё траты!), она улыбнулась и заговорщицки улыбнулась. После этого мы раздели ребят и я нанес на лоб каждого солнцезащитный крем. Нанес не просто так, а подравнял в форме члена. Нет, Малыш предлагал сделать татуировки, но я решил, что это будет слишком.

После нехитрых процедур мы засунули спящих мастеров в кабинки и включили солярий на нужное время. Дальше уже всё происходило без меня, так как мне нужно было попасть на тренировку к своим сэнсэям. В отличие от ребят, своих учителей я уважал и слушался.

Мастеров после загара отвезли на пляж и оставили там. Всё подготовили к их пробуждению, которое должно было наступить через полчаса. Как будто ребята бухали в клубе, потом решили сдуру позагорать и все четверо уснули на лежаках. Так как для купания было ещё прохладно, то на пляже никого не оказалось – это было неплохо.

Когда я засыпал после изнуряющей тренировки, то улыбался, предвкушая увидеть завтра рожи заклятых "друзей".

Глава 4

Конечно же «друзья» не настолько оказались тупы, чтобы хвастаться белой кожей на фоне загара. Все четверо появились с покрасневшими глазами, стойким запахом перегара и опущенными уголками ртов.

Они не смотрели друг на друга. Похоже, что пробуждение на пляже для всех стало неожиданностью. Хотя и поглядывали на Джиро, синяк под правым глазом которого не смог скрыть даже опытный косметолог.

Синяка вчера не было, так что это может быть подарком от Минори. Мне кажется, что этот «подарок» Джиро получил в тот момент, когда начал удивляться, что только что был с девушкой, а вдруг оказался в окружении обнаженных друзей. Его удивление было непонятно и результат непоняток на лицо. Вернее, на лице.

В этот день выплеснулась ещё небольшая волна фейковых фотографий. Курсанты перекидывали друг другу информацию обо мне, красивом и скромном, а я лишь улыбался в ответ на хмурые взгляды.

Пока что не били – уже хорошо. Думаю, что до самого боя дотерпят. Потом, правда, нужно будет что-то предпринять более существенное.

Сегодня нам устроили проверку на выдержку. Весь первый курс был выгнан на улицу. Я подмигнул Кацуми, которая стояла в десятке метров от меня. Малыш как всегда был с ней рядом. Охранял...

Преподавательница Одзава Юмако выстроила нас в ровные шеренги перед зданием академии и произнесла немного пафосным тоном:

– Военный человек – это в первую очередь высокоморальный тип, который должен обладать колоссальной выдержкой и огромным терпением. Ситуация в мире меняется постоянно, так что нужно быть готовым ко всему. Сегодня мы будем изучать вашу стойкость и спокойствие. Вы должны справиться с эмоциями, иначе провокаторы могут воспользоваться расшатанными нервами, а после этого спокойно манипулировать вами. Возможно, холодная голова понадобится вам при принятии очень важных решений, от которых будут зависеть сотни жизней людей. Вот как раз моё упражнение и направлено на выработку выдержки и отсутствие эмоций. Сейчас вы должны стоять с каменными рожами и не обращать на меня никакого внимания. Ни-ка-ко-го! Кто улыбнется или дернется – тут же десять отжиманий. Всё поняли?

– Так точно! – хором гаркнул первый курс.

Да, уж что-то, а дружный ответ хором мы выучили в первые дни, когда преподаватели порой по полчаса заставляли нас отвечать разом. И если им казалось, что чей-то голос выбивается из общего звучания, то мы повторяли снова. Снова и снова, снова и снова.

– Вот и отлично, – кивнула преподавательница Одзава Юмако и показала на десять человек с третьего курса, которые с каменными лицами стояли перед нами. – Мои помощники будут следить за вашими эмоциями. Вы не должны дергать ни одной мышцей лица.

– А моргать можно? – спросил я, предварительно подняв руку.

– Десять отжиманий! – рявкнула преподавательница.

– За что?

– За глупые вопросы! Двадцать отжиманий! Как понял?

– Так точно! – гаркнул я.

Служба в войсках научила меня тому, что не следует задавать лишних вопросов. Нельзя даже сомневаться в решениях главнокомандующего, иначе его армия будет слабо мотивирована. Уже после окончания боевых действий можно всё взвесить и рационально выделить ошибки, но пока идут действия – только беспрекословное подчинение. Чтобы не пропадала мотивация. Нет, я думал, что в академии может быть иначе, но... Я ошибался. Обо всём этом я уже размышлял в процессе имитации полового акта.

Преподавательница терпеливо ждала, пока я закончу отжимания. После этого она кивнула своим помощникам. Курсанты из третьего курса тут же заняли позиции вокруг нас. Так пастушьи собаки породы акбаш окружают стадо и внимательно следят за тем, чтобы ни одна глупная овца не отправилась в лес на съедение волкам.

С невозмутимым лицом Одзава Юмако вытащила из сумки кричащую курицу. Нет, не живую, резиновую. Да вы не раз видели подобные – желтое вытянутое тело, красный гребешок и такие же лапки, выпученные глупые глаза и распахнутый клюв. Даже при одном взгляде на это тощее создание трудно удержаться от смеха, а уж пищущий звук, который появляется при нажатии...

Госпожа Юмако пошла по рядам. Она шла неторопливо, в одной руке сжимая курицу, а другой похлопывая себя по бедру. Мы выпрямились и уставились в одну точку перед собой, пародируя деревья.

Внезапно, госпожа Юмако остановилась возле Джиро и сунула ему в лицо курицу. Он невольно отшатнулся. Госпожа Юмако хлопнула его по плечу. Джиро вздохнул и принял упор лежа.

Госпожа Юмако отправилась дальше. Она шла, всматриваясь в лица стоящих перед ней курсантов. Вот она остановилась возле Шакко и поднесла к её лицу курицу. Нажала и над поляной понеслось истошно-истеричное:

– Иа-а-а-а-а!!!

Трое не смогли держать улыбок и этих троих госпожа Юмако ударила по плечам. Они тут же упали и начали отжиматься. Шакко же держалась молодцом – ни один мускул не дернулся

на её лице. Даже когда Юмако снова вернулась и два раза произвела свою провокацию, кицунэ всё также безучастным взглядом продолжала смотреть перед собой.

Преподавательница одобрительно хмыкнула и пошла дальше. Она могла вернуться и выставить курицу из-за плеча. На подобное неожиданное появление среагировала Кацуми, которая прыснула и тут же упала на ладошки, чтобы отработать наказание.

Вот Малыш даже глазом не моргнул – застыл соляным столбом и, сколько бы возле него не танцевала госпожа Юмако, не подал ни одного сигнала.

Я тоже выдержал. Это было непросто для неподготовленного человека, но за моими плечами выдержка множества засад, в которых я должен был лежать часами и не шевелиться, чтобы не выдать своего местоположения.

Больше половины из первого курса отжалось за первые двадцать минут. Даже Минори и Татсуи не избежали этой участи. Вот Хидики выдержал. Правда, под конец он всё-таки прыснул, но я видел краем глаза, что он сделал это специально – чтобы не выбиваться из ряда своих отжавшихся друзей.

Это упражнение продолжалось целую пару. Полтора часа на свежем воздухе вместо кабинетов – чем не развлечение? Вот только надо было держать серьезную морю, чтобы не нарваться на наказание. После третьего раза Кацуми перестала реагировать на возникающую перед лицом голову курицы. Она успокоилась и невозмутимо смотрела перед собой.

В конце занятия улыбалось уже меньше половины. Остальные стояли с каменными рожами, думая о чем угодно, но только не о том, чтобы улыбнуться на провокацию.

– Что же, я ожидала лучшего, – процедила Одзава Юмако, когда решила, что с нас довольно издевательств. – Не скажу, что удивлена, но точно разочарована. Я собираюсь добиваться от вас полной невозмутимости. Только холодный разум способен принять верное решение. На этом всё. Все свободны.

Мы разбрелись на время перемены. Ко мне подскочила Кацуми:

– Привет! Неплохо держался, а вот я сразу не смогла...

– Это долгие и упорные тренировки с... каменным садом сэнсэя Норобу, – ухмыльнулся в ответ.

– Приходи сегодня вечером в гости? – потерлась щекой о плечо Кацуми.

– Вечером? – переспросил я задумчиво. – А во сколько?

– Лучше всего к шести часам. Как раз отец вернется из офиса, а мама приготовит ужин.

– К шести, – почесал я голову. – Ну что же, можно и к шести. Обязательно буду.

– Отлично! Тогда сейчас скину маме смску, чтобы послала слуг на рынок. Кстати, я хочу приготовить особое блюдо, которое тебе должно понравиться.

– Надеюсь, что не рыбу фугу? – пошутил я.

– Ой, а как ты догадался? – удивленно распахнула глаза Кацуми, а потом рассмеялась. – Да не бледней ты, не бледней. Я пошутила. Нет, это будет не рыба фугу. Я нашла рецепт из далекой России, поэтому тебя будут ждать небольшие кусочки мяса, завернутые в тесто называемые почему-то «хлебные ушки». Похожие на гедза, только не жареные, а вареные.

Я невольно почувствовал, как мои губы растягиваются в улыбке. Неужели меня будут угощать пельменями? Во времена холостяцкой жизни я не одну сотню пакетов заточил, так что могу с большой уверенностью сказать, что знаю о пельменях почти всё.

А также знаю, что ничто так не сближает членов семьи, как лепка пельменей за одним общим столом. Возможно, вы застали то время, когда собирались все вместе и, ряд за рядом, выкладывали белые снаряды еды на противень, застеленный газеткой. Чтобы потом противни выставить на балкон, потому что в морозилке не хватает места.

И во время лепки работа обща и разговоры обо всем на свете были тем самым моментом единения, который потом в пух и прах разрывали между собой телевизор, ноутбук, телефон... Но пока пельмени лепились – семья была вместе. Семья была заодно.

У меня было всего пару таких моментов в прошлой жизни, когда случалось попадать на лепку. И я был счастлив находиться в кругу друзей, которые меня позвали просто лепить пельмени. Это был какой-то особый ритуал, неторопливое самопознание и соединение родственных душ.

И обязательно был пельмень, в который бухалась ложка красного перца. На счастье! Тот, кому попадался этот пельмень, мог считаться самым счастливым и всё у него должно было сбыться. И вот это ожидание огненного «сюрприза» вносило своеобразную пикантность в откусывание каждого нового пельменя.

А вдруг это он? Вдруг госпожа Удача не обошла меня стороной?

– Кацуми-тян, а можно мне присутствовать при готовке? Обожаю всё необычное и новое, – сказал я. – Я обещаю ничего не испортить. По крайней мере, могу мясо порезать. И зелень покрошить.

Эх, давно я не ел пельешек. Но если не смогу участвовать в приготовлении, то тогда вряд ли пельмени будут приготовлены правильно. Вряд ли японская душа сможет проникнуть во все тонкости готовки этого чудесного блюда...

– Не дело мужчине на кухне болтаться, – нахмурилась Кацуми.

– Да? Тогда ладно. Тогда болтаться не буду. Зафиксируюсь в одном положении, после чего буду раздувать щеки и важно показывать мизинцем на ингредиенты. Но если ты, Кацуми-тян, боишься, что мужчина приготовит эти... «тюленьи ушки»? – я намеренно исказил название пельменей.

– Хлебные ушки, – с улыбкой поправила меня Кацуми.

– Вот-вот, эти самые ушки. Неужели испугаешься, что тот, кого ты бьешь на песке арены, побьет тебя на исконно женской территории?

Да, я поиграл на струнах женской гордости. Тем более, на струнках гордости аристократа, а от этой игры звук в два раза громче.

– Ты нарываешься на спор? – подняла бровь Кацуми.

– А это очень плохо?

– Это будет очередным позорным моментом в жизни одного белобрысого хинина, – улыбнулась Кацуми.

– Да ладно, у меня в сети этих моментов столько, что даже не передать, – отмахнулся я в ответ.

– Кстати, почему ты не отвечаешь на провокации? Почему не делаешь такие же фейки?

– Потому что я не хочу быть таким же, как они.

– Но это же натуральная война. И с каждым разом всё хуже и хуже. Скоро может дойти до того, что тебя обвинять в противоестественной страсти к животным. Натуральная информационная война.

– Да, это она. И сейчас идет вал против меня. Но если я буду ходить и улыбаться, то это будет лучшим ответом. Пока они занимаются придумыванием способов как можно больше меня уязвить, я тренируюсь. Пока яд проникает в их мозг, заставляя извратить остатки добра в их разуме, я тренируюсь. Когда они начнут ругаться между собой за то – какое лучше новое недоразумение выпустить, я буду тренироваться. И знаешь, Кацуми, подобное поведение всегда побеждает.

– Побеждает?

– Да, побеждает. Я запустил волну антифейковой разоблачения и теперь другие курсанты с радостью разбирают фальшивые фотографии, истории и даже видео. Наградой им служат пакеты со стикерами. Среди них появились даже лидеры, которые обладают чуть ли не всеми пакетами. Тигру пришлось даже взять в помощь троих художников, чтобы успевать отрисовывать новые пакеты.

– Ну а ты?

– А я улыбаюсь и тренируюсь. И это очень злит врагов. Это доводит их до истерики, поверь мне – я знаю о чем говорю. Чем больше они делают фейковых картинок, историй, записей, тем меньше им веры. Тем больше видят низость и ущербность врагов, способных на любую пакость. Зато люди видят мою реакцию, мою стойкость и моё спокойствие – это заставляет их испытывать ко мне по меньшей мере уважение. А там, где идет уважение, недалеко и до симпатии. Так я и перетяну ко дню боя большую часть зрительских душ на свою сторону.

– Коварный ты тип...

– Просто я сижу на берегу реки и жду, пока мимо проплывут трупы моих врагов.

Кацуми улыбнулась и снова потерлась щекой о моё плечо:

– Вот ты какой упертый... Ещё не передумал насчет спора?

– Не надейся соскочить, Кацуми-тян.

– Соскочить? Да я даже слова такого не знаю! Значит, пари?

– Согласен. Если я приготовлю лучше тебя это незнакомое блюдо, то ты споешь для всей семьи. Тем более, что голос у тебя необыкновенно хорош...

– А если приготовлю лучше я, то ты тогда станцуешь, – подмигнула Кацуми. – Да-да, петь ты не очень хорошо умеешь, так что будешь дергать ногами и трясти руками.

– По рукам! – протянул я ладонь.

– По рукам! – ударила Кацуми ладошкой сверху вниз.

Ладно хоть на этот раз обошлось без Дьявольского Шара. Хотя и тут опозориться не хотелось – всё-таки меня в доме Утида постоянно оценивали. Я чувствовал спиной чуть насмешливый взгляд отца и матери Кацуми, когда иногда наносил им визиты.

В основном мы беседовали с отцом Кацуми, Кенджи Утида. Разговаривали по поводу действий в той или иной сфере развития, иногда тренировались вместе. Конечно, Кенджи меня побеждал, но иногда и я мог преподнести ему парочку сюрпризов. В паре с Кацуми мы почти выигрывали у него, но это было почти...

Не раз ловил его одобрительный взгляд, когда он видел нас с Кацуми. В доме родителей я всегда вел себя только аккуратно, скромно, но с достоинством. Не выпендривался, но и не давал себе раболепствовать перед представителями древнего рода. На территории Кенджи я показывал себя вполне нормально. Это нравилось отцу Кацуми.

Теперь же я вызвался показать себя на той части территории, которая всецело принадлежала матери Кацуми. А это уже серьезно – Мегуми чутко следила за тем, что готовят слуги, а порой даже сама вставала за плиту. Страсть к готовке у Кацуми появилась явно от матери.

И вот на святую святых я хочу принести свою задницу. Да, это будет трудно, будет сложно, но... Давненько я не ел пельмешек. Вот вообще как-то так получалось, что пробовал многое, на волне интереса даже ту же фугу захомячил, а вот как сказала Кацуми про русское блюдо, так и защемило внутри. Даже как-то к березке лбом захотелось прижаться. Постоять так с полчаса – подумать о всяком-разном...

– Готовься петь, Кацуми-тян, – подмигнул я в ответ на ласку девушки.

– Готовься танцевать, Изаму-кун, – парировала та.

К нам подошли друзья. Малыш улыбался во все тридцать три зуба, а Шакко наоборот хмурилась.

– Что у вас опять случилось? – спросил я.

– Да ну, – отмахнулась Шакко. – Малыш всё просит о свидании, а я прошу его отстать.

– Я не услышал «нет»! – чуть ли не пропел Малыш.

– Нет! Малыш, нет-нет-нет! – пробурчала Шакко.

– Когда девушка говорит «нет», она подразумевает «да». А когда говорит «да», то подразумевает «нет», не так ли, радость моих глаз? – спросил Малыш.

– Нет, Малыш! – рявкнула Шакко.

– Что и требовалось доказать, – с широкой улыбкой проговорил Малыш.

Шакко только вздохнула и покрутила пальцем у виска. После этого спросила:

– А вы чего такие довольные?

– Да я вот думаю устроить похожую тренировку нашим мототаксистам, – сказал я. – А что, госпожа Юмако неплохо поработала – можно взять это на вооружение. Тем более, что против ребят готовится провокация. И даже не одна...

Не стоило друзьям говорить о нашем с Кацуми споре. Засмеют...

– Думаешь, что эти упыри смогут спокойно стоять? Да если из нашего состава примерно половина улыбалась, то гонщики и вовсе не смогут спокойно устоять, – хмыкнула Шакко.

– А я думаю, что после моей обработки из сорока человек только десять улыбнутся. Прикинь? Четверть от личного состава, – поднял я палец.

– Да ладно. Если так будет, тогда я... – Шакко покрутила головой, ища что-то равноценное для предложения. – Тогда я схожу на свиданье с Малышом! А если не получится, то ты, босс, организуешь мне недельное посещение спа-салона!

Малыш тут же расцвел. Он посмотрел на меня взглядом преданного пса.

– Согласен! – махнул я рукой. – Что-то везет мне последнее время на споры...

– Вот и по рукам! – подмигнула Шакко. – Давненько я не ходила в спа... Кацуми, пойдешь со мной?

– Ты сперва выиграй, – покачала головой моя подруга. – Изаму не просто так раскидывается словами. Этот хитрый жук явно что-то задумал...

Я только улыбнулся в ответ. Ну да, блин, задумал. Задумал такое, что проберет бывших босодзоку до печенок. Эх, если бы я только знал, что моя задумка едва не будет стоить мне жизни...

Глава 5

До приема в доме Утида оставалось ещё четыре часа после занятий, поэтому я решил их посвятить тренировке своих мототаксистов. Если на них планируются провокации, то ребята должны быть готовы ко многому. А чтобы достичь спокойствия и невозмутимости в любой ситуации, надо тренироваться.

Тренироваться надо всегда, а не только сейчас, но... Сейчас тренировка нужна ещё больше.

Если план Хидики получит своё продолжение, то рано или поздно, но репутация мототакси будет подмочена. А подмоченная репутация означает снижение доверия и, следовательно, снижение заказов.

Давным-давно майор Слава Соколов показал нам, новоприбывшим бойцам, как можно успокоиться в любой ситуации, чтобы принимать взвешенные решения и минимизировать возможные потери. Прибыв на базу, я собрался тот же самый фокус повторить с бывшими босодзоку.

В кабинете я вытащил револьвер, положил его на стол и расставил восемь патронов вокруг, как хоровод малышей вокруг новогодней елочки. Смертоносных малышей, способных одним попаданием лишить всех подарков от деда Мороза...

Это должно было оказать определенный эффект на главного раздолбая нашей базы. А уж если Киоси успокоится, то, глядя на него, придет успокоение и к остальным ребятам.

После этих приготовлений я позвонил Мрамору и приказал выстроить всех находящихся на базе босодзоку перед входом. Мрамор было спросил о причине, но, когда узнал, что будет сюрприз – тут же ответил, что через пять минут все будут стоять в указанном месте.

Я же переоделся в костюм. Всё-таки после занятий с ребятами мне предстояло ехать в гости к Кацуми. Да и человека в костюме слушают гораздо внимательнее, чем одетого в повседневную одежду.

Окинул взглядом кабинет. Да, револьвер на столе и стоящие вокруг него патроны внушали уважение. Они точно должны воздействовать на Киоси!

Засунул во внутренний карман резиновую курицу, наподобие той, которой госпожа Юмико проверяла нас. Всё-таки проверка есть проверка, а спор с Шакко ещё не закончен.

Выйдя на улицу, кроме сорока мототаксистов, выстроенных рядами, я заметил неподалеку Шакко, Тигра и Малыша. Они сидели рядом с невозмутимо восседающим на качалке сэнсэем Норобу. На коленях Норобу сидел медвежонок Камавура. Последний активно притворялся игрушкой. И ему это вполне удавалось.

Чуть поодаль ошивался Киоси. Что же, как раз на него-то и был расчет. Здорово, что он никуда не смылся.

Я вышел вперед и остановился перед мотоциклистами. Да, работа под моим началом и под управлением Мрамора преобразила многих. Ребята щеголяли уже не в коже и заклепках, пародируя бдсмных доминантов, а в спокойных зеленых куртках с шашечками и фирменных кепках, на которых были вышиты цветы сакуры. На цветах сакуры настоял именно я – пусть люди Токио привыкают к этим изображениям. Постепенно я собираюсь переломить отношение в японской среде к бывшему угнетенному классу. А этот самый класс носит на щеке татуировку – веточку сакуры...

– Босс, все ребята собраны. Остались только те, кто охраняет территорию, – бодро отпартовал Мрамор.

По статусу главы мотоциклистов Мрамор носил темно-зеленую униформу, но вместо кепки таскал зеленую бандану на засаленных волосах. Сколько я с ним не бился по поводу соблюдения дресс-кода – он упорно снимал кепку и завязывал бандану. Оправдывал это тем, что кепка упала на землю, на неё накакала птичка или же кучей других отговорок.

Впрочем, это было даже хорошо – ребята видели, что Мрамор стоит за них и может даже чуточку пойти против начальства. Пусть и такой мелочью, но всё же в оппозиции. Это давало некую иллюзию бунтарства. Я ухмылялся украдкой, но на людях всё равно распекал Мрамора за подобное поведение.

– Хорошо, Мрамор-сан, – кивнул я и не смог удержаться от шпильки. – Ты опять постирал кепку?

– Так точно. Переводил через дорогу старушку, налетел ветер и сорвал кепку. Она попала в мусорную урну, а какой-то урод не доел йогурт... Вот и пришлось застирать, а то можно подумать, что на неё разом кончили все порнозвезды Японии, – нахально усмехнулся Мрамор.

Стоящие передо мной мототаксисты не смогли сдержать улыбок. Они каждый раз ждали – что же придумает Мрамор, чтобы оправдаться за ношение банданы.

– Чтобы в следующий раз был в кепке! – нахмурился я в ответ.

– Так точно, босс! – козырнул Мрамор.

Эх, если бы не был таким грамотным управленцем – дал бы леща. Но нельзя рушить авторитет Мрамора, всё-таки он является прослойкой между мной и бывшими босодзоку. Пусть пока подкалывает – за рамки дозволенного не выходит и ладно.

А мне тем временем надо было заняться тем, ради чего собрал ребят.

– Коллеги, друзья, – начал я смотря на стоящую зеленую толпу. – Как вы знаете, я заключил соглашение с одним из преподавателей военной академии, а также с четырьмя сынами аристократов. Знаете также, что на меня выливается целая волна говна, в попытках оскорбить, принизить, уничтожить моё имя. Я делаю своё дело и не отвечаю на подобные оскорбительные вещи, чтобы не распыляться на мелочи. Однако, друзья мои, теперь эта пятерка хочет ударить по вам! Хочет лишить вас работы и возможного светлого будущего! Хочет, чтобы вы снова вернулись на преступный путь, где финал один – тюрьма!

Я сделал паузу, а люди зашумели. Надо было дать время, чтобы моя мысль пробила до мозга, раздула там огонек недовольства и вылилась обратно в гуле горящего пламени. Бывшие босодзоку ребята не из робкого десятка, поэтому недовольство они скрывать не будут.

Так и получилось. Мототаксисты уже успели попробовать вкус денег, зарабатываемых честным путем. Да, возможно, это было на порядок меньше, чем они могли заработать воровством и грабежом, но зато это были спокойные деньги. К тому же они поступали регулярно, а не только в дни преступных нападений.

Я поймал взгляд сэнсэя. Тот прикрыл глаза. Всего на пару секунд, но этого мне хватило, чтобы понять – я двигаюсь в правильном направлении.

Шакко с усмешкой следила за мной. Даже телефон достала и начала снимать. Эх, чую я, что в скором времени появится видеонарезка с переставленными словами и под веселую музыку. Но ладно, как появится, так и исчезнет. А я примерно накажу её скоро – заставлю выполнить часть нашего пари.

– Против вас собираются совершать провокации! Вам будут грубить, хамить, обзывать и, возможно, даже могут применить физическое насилие. Ваши вспышки ярости будут снимать на камеры телефонов, выкладывать видео в соцсети, делать мемы и прочую хероту... Чтобы разрушить наше молодое предприятие, чтобы толкнуть вас обратно на путь преступности... А я не хочу, чтобы вы остались без работы! За то время, пока мы живем и существуем бок о бок друг с другом, мы здорово сроднились! Мы с вами едим одну еду, ходим по одному асфальту, возвращаемся в одно здание! Ребята, да мы даже дышим с вами одним воздухом! За это время мы превратились в одну большую семью! Нет, мы не якудза, мы тот коллектив, который не должны бояться, но должны уважать! И поэтому мы должны выстоять даже в самые трудные времена!!!

Теперь надо было подпустить эмоции. Лучше всего что-то простое и эффективное. Я проткнул небо кулаком.

Сделал так и в ответ раздался согласный рев множества голосов. На молодых лицах бывших босодзоку начала расцветать решимость выстоять до конца.

Этот жест «Рот Фронт» известен в моём мире давно. Сам жест символизирует интернациональное приветствие и показывает единство пальцев, сжатых в один общий кулак. Единство членов группы, преследующих одну цель...

– Да! Мы выстоим!

– Мы им покажем!

– Пусть только попробуют нас оскорбить!

– Всех порву – один останусь!

Крики разной направленности полетели в мою сторону. Что же, в головах мототаксистов зажегся огонек возмущения, в сердцах разгорелся праведный огонь бедных людей, у которых хотят забрать кусок хлеба. Теперь осталось показать если не чудо, то что-то близкое к нему, чтобы полностью склонить ребят на свою сторону и личным примером показать – как именно нужно сохранять спокойствие перед лицом опасности.

Я кивнул и показал раскрытую ладонь, призывая чуточку успокоиться. Ребята быстро стихли. Один из бывших босодзоку всё ещё продолжал кричать, но ему быстро хлопнули по затылку, и он замолчал. Это хорошо, значит уважение я снискал – меня слушают внимательно.

Пришла пора фокуса!

– Мы должны быть спокойными не только на словах, но и на деле. Ребята, я хочу показать вам, как можно научиться владеть собой в самых трудных ситуациях. Киоси! – повернулся к стоящим поодаль друзьям. – В моём кабинете на столе револьвер и патроны! Принеси их!

– Зачем? – поднял бровь мальчишка.

– Вот принесешь – тогда и узнаешь! – я нахмурился в ответ.

Пусть он и раздолбай, но сейчас его беспрекословное повиновение сыграло бы мне на руку. Вот только он остался верен себе и начал задавать вопросы.

Пришлось поиграть лицом, чтобы он понял важность моего задания. Малыш положил руку на плечо мальчишки, когда тот открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, и подтолкнул его в сторону здания. Аккуратно подтолкнул, отчего Киоси пробежал с десятков шагов чтобы не упасть.

Киоси было оглянулся, но наткнулся на мой посуровевший взгляд и только кивнул в ответ. Вот и хорошо. Думаю, что рано или поздно, но его удастся воспитать нормально. Удастся из него сделать достойного человека. Или достойного тануки, как получится...

Ну что же, пока Киоси бежит, можно потратить время с пользой. Я повернулся к стоящим босодзоку и произнес:

– Как доложила наша разведка – подставные лица будут заказывать мототакси и провоцировать вас на ярость и гнев. Вас будут пытаться раскалить, взорваться, в лучшем случае – чтобы вы набили хлебало противнику. И всё это зафиксируется на телефон. Начнут делать автоподставы, оскорблять, унижать – в общем, моя война перейдет на вас. Если вы считаете себя недостаточно подготовленными к противостоянию с этой империей обмана, то лучше сказать об этом сейчас. Ребята, приходят трудные времена – стрелять провокациями будут по мне, но могут зацепить и вас. Поэтому, я спрошу вас сейчас – есть ли желающие покинуть наши ряды? Я понимаю, что для душевного состояния будет нелегко прожить время до боя на арене, понимаю и приму ваш уход. Даю вам минуту на размышление, после этого мы будем повязаны одной красной нитью и разорвать её у противников не получится! Время пошло!

Я уставился на наручные часы.

Демонстративно уставился, чтобы не давить взглядом стоявших передо мной ребят. Где-то внутри тоненько звенела мысль, что на самом деле я просто не хотел встречаться глазами с теми, кто захочет уйти...

Секундная стрелка подошла к заданной цели. Я опустил руку. Беглый осмотр дал понять, что никто из стоящих не покинул своего места. Ребята даже не переглядывались – они просто смотрели на меня. Смотрели хмуро, но уверенно. Мрамор даже подмигнул.

К горлу подкатил ком. Надо же, какая преданность... Пусть об этих засранцах говорят что угодно, но вот за лидером они пойдут куда угодно.

И как же классно, что их лидером являюсь я!

Возле выхода из базы показался Киоси. Он зачем-то задержался у охранника, поглядывая в мою сторону. Надеюсь, что тануки просто остановился, чтобы поинтересоваться – как идут у того дела. Или просто не хотел прерывать мою минутную паузу.

– Спасибо за доверие, мототаксисты! – кивнул я и улыбнулся. – Я вас не подведу!

– Да, босс!

– Мы счастливы служить под твоим началом!

– Ты клевый чувак, глупо уходить от такого!

– Босс, я принес револьвер!

Последний возглас был сделан Киоси. Он, размахивая оружием, подбежал ко мне. Я покачал головой, когда он протянул мне револьвер.

– Хорошо, но подожди пока... Отойди на двадцать шагов, дружище! – сказал я.

– Зачем? – снова задал Киоси ненужный вопрос.

– Двадцать шагов, дружище! – с нажимом повторил я.

Сэнсэй Норобу чуть наклонил голову, наблюдая за мной. Я улыбнулся и подмигнул ему.

Тот посмотрел на меня, пожал плечами и отсчитал нужное расстояние. Я тем временем вытащил из кармана лайм и водрузил его себе на голову.

Этакая сцена из Вильгельма Телля. Только патроны были холостыми, а я далеко не сынишка легендарного швейцарского стрелка. Впрочем, я не собирался давать Киоси шанс меня подстрелить, поэтому и расставил патроны по столу. Нужные патроны...

По моей задумке он должен был восемь раз выстрелить и восемь раз промахнуться. Я же со спокойным лицом должен выдержать все выстрелы практически в упор и не шелохнуться. Так в своё время поступил майор Соколов и это очень здорово повлияло на наш боевой дух.

Вот только у майора Соколова не было Киоси...

– Заряди револьвер! – скомандовал я. – А если спросишь «зачем», тогда снова отправишься со мной на тренировку.

– Есть, босс! – тут же отрапортовал мальчишка и спешно начал заряжать револьвер.

Мототаксисты смотрели на его действия. Видели, как у Киоси три раза упали снаряды. У меня почему-то пробежал холодок по спине. Такое бывает, когда всё идет как надо, но вот на последнем этапе может что-то пойти не так. И этот холодок мне не понравился. Он о чем-то пытался меня предупредить, но...

На волне успеха от поддержки мототаксистов моя бдительность чуть притупилась. К тому же я должен был показать фокус, чтобы своим личным примером показать, как важно быть спокойным в любой ситуации.

– Зарядил, босс! – поднял револьвер Киоси.

– Отлично, дружище! Теперь попытайся сбить лайм!

– Но... Босс... – растерянно проговорил тануки.

– Никаких «но»! – отрезал я. – Стреляй, Киоси.

– Босс... – умоляюще проныл Киоси.

– Тренировка! – рявкнул я.

БАХ!

Киоси тут же выстрелил, целясь гораздо выше лайма. Я видел, что он специально задрал ствол.

Самое главное – у меня получилось не моргнуть!

Я даже улыбнулся в ответ. Лайм продолжал лежать на моей макушке и делать вид, что ему всё пофиг.

– Целься лучше! – нахмурился, чтобы показать всю свою серьезность.

– Босс, а может не надо? – подал голос Мрамор. – Мы уже поняли, что у тебя стальные яйца, уважаем и поддерживаем. Но... может не надо дергать смерть за усы?

– Мрамор, надо, – покачал я головой. – Пусть Киоси стреляет, а остальные... Ребята! Вы должны быть такими же невозмутимыми и наполненными решимостью! Ваше дело правое – победа будет за нами!

Растерянные мототаксисты переглядывались. Похоже, что моя маленькая демонстрация запала им в душу. Спорящие со смертью на дороге, они должны видеть, что их лидер не боится ничего. И то, что творится сейчас, будет отличной мотивацией к сохранению спокойствия в грядущих стычках с подставными клиентами.

– Киоси, стреляй! – снова скомандовал я.

Бах! Бах! Бах!

Три выстрела прозвучали с небольшой паузой. На этот раз Киоси начал прицеливаться. Что же, это хорошо. Потом у меня будет повод подколоть его с жопорукостью, но пока что я должен держать лицо.

– Отлично! – хмыкнул я. – Но всё-таки нужно снизить прицел. Так не очень хорошо получается! Ребята, мототаксисты! Когда вас будут драконить – доставайте телефоны и начинайте снимать дебошира. Так у нас появится видеоконтент, играющий нам на руку. У кого есть экшн-камеры на шлемах – не забывайте ими пользоваться. Ребята, спокойствие и уверенность в собственной правоте сыграет на руку нашей фирме! Киоси, стреляй!

Бах! Бах! Бах!

Ещё три выстрела. Остался последний патрон. Я снова улыбнулся. Похоже, что демонстрация проходит успешно. Пусть лайм не сбит, но зато моя уверенность передалась бывшим босодзоку.

– Если противники хотят принизить нас, то перевернем это в свою пользу. Отснятый видеоматериал мы подвергнем обработке, наложим эффекты, веселую музыку – пусть подставные утки усираются, в конечном итоге они выставят нас в хорошем свете. А эмоциональная реклама – самая лучшая реклама. Тем более, что для нас она будет бесплатной. Уверенность, спокойствие, вежливость – вот три слона, на которых будет строиться будущее развитие нашей фирмы. Киоси, остался последний выстрел...

– А можно я? – неожиданно спросил Мрамор. – Я поражаю мишень девять раз из десяти! Я запнулся на миг, но потом кивнул:

– Конечно можно. Я поработаю ещё немного в этом тире мишенью. Мне не сложно. Я-то был уверен, что патроны холостые.

Мрамор подошел к Киоси, забрал револьвер и прицелился. Многие замерли. Я же был спокоен, как удав.

Бах!

Лайм на моей макушке разлетелся на мелкие кусочки, брызнув соком в разные стороны.

– О-о-ох! – раздался вздох со стороны бывших босодзоку.

– Неплохой выстрел! – я через силу заставил себя улыбнуться.

Как так получилось? Ведь в револьвере были холостые и... Киоси остановился возле охранника на входе в базу. Неужели...

Мрамор кивнул и отдал револьвер обратно тануки. Тот со знанием дела откинул барабан и показал остальным пустоты. После этого он подошел и протянул револьвер мне.

– Ты где взял патроны? – едва слышно проговорил я.

– У охранника, – виновато произнес Киоси. – Я очень торопился, нечаянно задел их и они разлетелись по всему кабинету. Собрать их времени не было, а у охранника оказался такой же револьвер. Вот я и попросил его дать их мне. Босс, чего ты так смотришь?

– Да нет, ничего... Тебе надо больше практиковаться в стрельбе, – сказал я, проталкивая слова сквозь появившийся в горле ком.

– Да, буду тренироваться. С двадцати шагов не попасть по лайму... Ну надо же, – покачал головой Киоси.

Я же убрал револьвер за пояс и обратился к мототаксистам:

– Ребята, мы победим! Вы уверены в своей победе над противником?

– Да!!! – взорвалась криком территория перед базой.

– Тогда я сейчас должен буду провести небольшой тест на вашу невозмутимость, – сказал я и вытащил из кармана резиновую курицу. – Я сейчас буду ходить и проверять вас на спокойствие и уверенность. Кто улыбнется – тот будет отжиматься. А также, это нужно для того, чтобы понять – кого меньше ставить на маршруты, а кто сможет больше заработать денег за заказы. Начнем же...

В итоге получасовых расхаживаний только трое из сорока человек улыбнулись. Остальные стойко сохраняли каменные выражения лиц.

Шакко проиграла, а на роже Малыша расцвела такая довольная улыбка, что ей позавидовал бы даже Чеширский кот...

Я выиграл в споре и максимально смотивировал мототаксистов к дальнейшим действиям. Только почему-то всё это время меня не покидала мысль – как бы глупо я смотрелся с продырявленной башкой и резиновой курицей в кармане...

Конечно же госпожа Мегуми Утида удивилась тому, что молодой человек выказал желание приготовить еду наравне с женщинами. Обычно я приходил в гости, приносил какой-нибудь хороший подарок и общался с её мужем, Кенджи Утида. Общался до тех пор, пока не будет накрыт стол. А уже там надо было показать все свои манеры и вести учтивую беседу.

Да-да, именно за столом, но никак не прежде. Мегуми была твердо убеждена, что мужчинам нечего делать на женской территории, как и женщинам нечего совать свой нос в дела мужчин.

Однако... там готовились пельмешки...

Нет, я не та панда из мультика, которая сходила с ума по еде, но... Ребята, это же пельмени!!!

И если их правильно приготовить, то удовольствие от ужина, беседы и лицемерия милого личика Кацуми окажет такой благоприятный эффект, что я укреплю чуть пошатнувшиеся нервы и наберусь сил для дальнейшего противостояния. Именно поэтому я по пути к поместью Утида захватил с собой полкило замороженных грибов-лисичек в магазине. Они должны стать той самой изюминкой, которой я хочу выиграть спор у Кацуми.

На большой кухне так много ящиков, что если бы не плита и прочие принадлежности, то можно кухню запросто принять за камеру хранения вокзала с её большими закрытыми ячейками. В самом помещении сутились две служанки, готовые принести-унести-подать-идти-нафиг-не мешать.

Мегуми посматривала на меня с усмешкой. Похоже, что Кацуми успела рассказать про наш спор.

Я со спокойствием сфинкса разглядываю, как служанки раскладывают передо мной и перед Кацуми заказанные продукты. Сейчас начнется наша дуэль, где мы схлестнемся не на жизнь, а на пельмени.

В дополнение к мясу, луку, муке, яйцам и прочим заказанным мной ингредиентам, я кладу килограмм замороженных лисичек. Кацуми кидает на меня непонимающий взгляд, я же пафосно вздергиваю нос, мол, так надо. Кацуми в ответ морщит нос и фыркает.

Мегуми поглядывает на нас с усмешкой, как может взрослая собака смотреть на двух игривых щенков. И взгляд её словно говорит: какие же вы всё-таки ещё дети, если собираетесь соревноваться в мелочах.

– Изаму-кун, а ты точно всё предусмотрел? – спросила Кацуми.

– Да, Кацуми-тян, точно всё. Приготовлю так, что пальчики оближете!

– Неужели? Ты собираешься отрезать пальцы и завернуть их в тесто? – хмыкнула Кацуми.

– Фу, как некрасиво, Кацуми-тян. Неужели я посмею тебя кормить такими деликатесами? Какого же хорошего мнения ты обо мне, – покачал я головой. – Не дело дочери достойных родителей произносить такие речи...

– Да, Кацуми, это действительно некрасиво. Нельзя так говорить, – в тон мне произнесла Мегуми.

– Спасибо, Мегуми-сама, – поклонился я в ответ.

– Мама, ну неужели ты не видишь, что он тобой манипулирует? – проняла Кацуми.

– Ну вот, перешли от подколов к оскорблениям, – вздохнул я с видом праведника, оболганного еретиками. – Неужели я посмел бы прибегать к подобным вещам? Неужели у Мегуми-сама нет ушей, чтобы услышать неискренность и нет глаз, чтобы увидеть неправоту в моих глазах? Ведь я искренне негодую, а также разделяю негодование госпожи Утида, чья мудрость может сравниться только с её красотой...

– Мама! Он опять! – завопила Кацуми.

Я поймал улыбки на лицах служанок. Всего лишь миг, но они были. Кацуми кинула на них грозный взгляд, после чего женщины тут же нашли себе неотложные дела в других частях поместья и с поклонами удалились.

– Думаю, что у вас обоих всё получится, – улыбнулась Мегуми и отошла в сторону окна.
– Можете начинать...

– Ну всё, Изаму-кун, теперь не жди пощады, – прошипела Кацуми.

– Не жду, Кацуми-тян. Пощады ждать не буду, буду ждать песни, – подмигнул я в ответ.

– Не дожدهшься! – буркнула Кацуми.

– А это мы посмотрим. Ладно, хватит ножи точить – пора приниматься за готовку, – махнул я рукой. – А то я вижу, что кто-то уже всю язык разминает, чтобы песню... Оп! Спасибо за луковицу, мне как раз не хватало.

Я успел перехватить снаряд, который запустила Кацуми. Она что-то пробурчала про наглых парней и про отсутствие у этих парней банального чувства меры. Я же лучезарно улыбнулся в ответ.

Сам процесс приготовления незамысловат, но требует некоторых определенных действий. У меня уже это был ритуал. Да, ритуал лепки пельменей. Это была поэзия, феерия муки и танец фарша... Слезы лука и шебуршение в носу от попавших частичек муки. Как только я замесил тесто, так сразу же почувствовал, как соскучился по тому времени, когда вставал по утрам и ехал на автобусе, поглядывая на Неву...

Бывает такое, вроде всё нормально, всё хорошо, но что-то из прекрасного далека нет-нет, да и ущипнет за струнку души... И раздастся внутри дребезжащий звук легкой тоски по ушедшему. словно взял в руки старый фотоальбом и увидел себя молодого. Того самого беззаботного и безбашенного, каким был двадцать лет назад.

На первый взгляд, рецепт домашних пельменей кажется легким – захерачил кружочки теста, положил внутрь начинку, защипнул края и сварил. Но не все так просто. Приготовление пельменей требует сноровки, опыта и знания некоторых уловок.

Для пельменного теста муку нужно обязательно просеять, чтобы она насытилась кислородом!

Это не глупость, а мудрость веков!

Затем из муки делают горку с небольшим углублением в середине, вбивают туда яйцо, вливают воду и солят. Некоторые хозяйки добавляют к муке щепотку манки, утверждая, что благодаря ей пельмени никогда не разварятся в воде. А столовая ложка подсолнечного масла без запаха придаст тесту эластичности и мягкости. Месить тесто надо по окружности в одну сторону, постепенно собирая муку по краям и перемещая ее к середине.

Стараться делать знак Инь-янь, чтобы блюдо получилось более китайским, каким его, по преданиям, сделал первый китаец. А может и не китаец. Это блюдо приписывается многим народам. Согласно легенде, атаман Ермак Тимофеевич в своем сибирском походе питался исключительно пельменями, правда, называл их «хлебными ушками». Во время пира в городе Кашлык (столице Сибирского ханства) казак решительно отказался от изысканных яств и предпочел, по всей видимости, проверенную пищу.

Чем дольше месите тесто, тем более податливым и упругим оно станет, кстати, если у вас есть хлебопечка, она вымесит тесто быстрее и лучше. После замешивания не торопитесь лепить пельмени – пусть тесто немного отдохнет и «подышит».

Да-да, именно подышит. Если спросите – а на хрена ему дышать, ведь и так мука надышалась перед готовкой, я отвечу: так надо. Именно, так надо, чтобы не слипалось тесто при варке.

– Ммм, Изаму-кун, а ты так профессионально замешиваешь, что прямо завидки берут, – подколола меня Кацуми.

– Спасибо, Кацуми-тян. Я стараюсь не отставать от твоей готовки. Кстати, а что ты готовишь? Оп! Нет, на этот раз луковица мне не нужна. Спасибо, возьми обратно.

– Какое высокомерие! Даже тесто свернулось!

– Да ладно, оно всего лишь стало той консистенции, которое способно игнорировать глупые подколки.

Мегуми только улыбалась, наблюдая за нашей пикировкой. Снова тот же самый взгляд на щенков, которые устроили перепалку. Она улыбалась. Её улыбка снова вернула меня к предмету спора.

Я могу сказать, что приготовление пищи сродни хорошо исполненному ката. Если выученные и забытые в подкорочку движения выполнены идеально, то и бой наполовину будет выигран. Поэтому каждый взмах и каждое дыхание должно было быть на своём месте.

Если вы бьете, то старайтесь поразить в первую очередь те места тела, которые отвечают за движения тела противника. Ключицы, колени, мозг. Всё то, что может быть выбито и подвергнуть противника в дезориентацию.

Если же вы месите, а тесто так и остается липким, смажьте руки растительным маслом и продолжайте месить. Как правило, текстура теста в этом случае меняется и можно обойтись без добавления лишней муки. Потрогайте мочку уха – тесто на ощупь должно быть именно таким.

Обязательно поддержите яйца вне холодильника перед замешиванием теста, поскольку все продукты должны быть одной температуры, при этом воду в тесте можно заменить чуть подогретым молоком. Если вы вместо обычной воды возьмете отвар с лавровым листом, фарш выиграет во вкусе.

Для сочности и нежности в начинку можно добавлять рубленый лед, правда, лепить и варить пельмени придется сразу, пока лед не растаял. Впрочем, если вы готовите изделия впрок, их можно хранить в морозильной камере. Порубленный лук лучше сначала смешать в отдельной миске с солью и специями и только потом добавлять в фарш – получится вкуснее и сочнее!

Движение рукой вправо, размешивая тесто, влево. Вправо, влево. Вправо, влево.

Я настолько увлекся готовкой, что выпустил из внимания тот факт, что улыбаюсь и... напеваю «Катюшу». Ну да, раньше, чтобы не было скучно, я напевал во время готовки. А вы не делали так? Ой, ладно, небось ещё и в душе горланите, представляя себя суперзвездой...

Когда же спохватился, то поймал удивленный взгляд Кацуми и Мегуми. Тут же взял себя в руки и произнес:

– Когда готовишь что-то из кухни другой страны, то лучше напевать её песни. Так проникаешься духом, а от этого еда становится вкуснее.

– Да? Ну-ну, ты хоть ещё и стихи начни рассказывать – тебе это никак не поможет, – улыбнулась Кацуми. – Всё равно я выиграю.

– Так я разве против? – пожал я плечами. – Если выиграешь, то только подтвердишь тот факт, что от мамы ты взяла не только красоту, но ещё и умение вкусно готовить. Правда, Мегуми-сама?

– Твои слова не лишены правдивости, Изаму, – улыбнулась мать Кацуми.

– Мама-а-а! Он снова пытается тобой манипулировать! – обиженно протянула подруга. – Не поддавайся на его происки. Он тот ещё пройдоха и интриган!

– Нет, Кацуми-тян, готовку надо подкреплять положительными эмоциями, а от негатива получается излишне соленое тесто и переперченное мясо. Думаешь, что я не заметил, как ты скривилась, когда пробовала фарш? – не смог я удержаться от подколки.

– Ничего я не кривилась, а если и было такое, то только от удовольствия, – буркнула Кацуми.

В общем, с подколками, бурчанием, редкими возмущенными выкриками Кацуми, мы подошли к тому моменту, когда пришла пора ставить воду. Я поставил кастрюлю на плиту,

забросил туда полуразмороженные лисички, а сами пельмени закинул в отдельную тару, наполнив наполненную водой. Там «хлебные ушки» должны были лежать минуты три-четыре.

– Чего это ты так? – спросила Кацуми. – Вода же в другом месте будет кипеть.

– Вот то-то и оно, пока вода кипит в одном месте, самое важное творится в другом, – улыбнулся я. – Тут как в жизни – пока ты видишь возмущение в одном месте, основное действие происходит в другом. Это необходимый в готовке момент, но пусть тебя это не волнует – готовь как знаешь.

Кацуми хмыкнула и наморщила носик. Я же тем временем дождался появления пузырьков на дне, после чего аккуратно перенес пельмени из блюда в кастрюлю. Среди желтовато-коричневых грибов начали вальяжно плавать белые комочки теста.

Кацуми же дождалась бурления, после чего шумовкой забросила свою партию. К слову сказать, у неё пельмени вышли гораздо лучше по виду, чем мои. Но, я готовил так, как привык, чтобы они были не сродни равиоли, а нормального размера. Такого, чтобы можно было поддеть на вилку, без проблем обкусать вокруг сваренное тесто, а потом уже погрузить в рот мясную начинку.

Как только вода в моей кастрюле закипела, я сразу же влил грамм пятьдесят-шестьдесят холодной воды.

– Что ты делаешь, Изаму-кун? – спросила Мегуми, с интересом наблюдающая за моими действиями.

– Творю магию, – подмигнул я в ответ. – Результат моих пассов вы сможете оценить чуть позже.

Пока пельмени закипали во второй раз, я приготовил воду с уксусом для обмакивания готовых пельмешей. Десятипроцентный уксус развел в воде в пропорции одна столовая ложка уксуса на три ложки воды. Добавил давленного чеснока и перца. Кацуми смотрела с непониманием на мои приготовления. Я же улыбался и сохранял таинственный вид.

Кацуми же налила в свои соусницы соевый соус и выдавила майонез, украсив его листиками пахучей кинзы. Тоже приготовила улучшитель вкуса...

Второе закипание тоже получило рюмку холодной воды. Третье также. Кацуми уже начала выкладывать свои пельмени на широкое блюдо, когда мои закипели в четвертый раз. Ну что же, ещё чуть-чуть и можно вынимать.

Пельмени Кацуми разварились, расплзлись, а многие даже лопнули по шву. Не то, чтобы вид был неприглядным, но не совсем эстетичным – это точно. Японцы же едят не только ртом, но и глазами, поэтому и нужны были все мои приготовления.

Когда я достал свои кусочки на широкое блюдо, то не забыл и сваренные лисички. Их выловил и положил отдельно. Рядом покрошил свежий укроп. Всё, можно накрывать на стол и пробовать.

Кацуми с ревнивым видом смотрела на мои идеально слепленные комочки. В отличие от её приготовления, мои выигрывали по внешнему виду.

– Идите, дети, сейчас слуги всё разложат и принесут, – проговорила Мегуми.

– А они не уронят мои пельмени? – с невинной моськой поинтересовался я. – А то вдруг Кацуми подножку кому подставит... Ай!

На этот раз я специально не стал ловить скомканную тряпочку. Пусть её... Пусть выпустит злость. Тряпочка мягко шлепнула меня в центр лба. После этого отвалилась и спланировала на столешницу. Это не луковица, это легче.

Иногда можно давать женщинам послабление, тем более что этим жестом она признала своё поражение. Пусть и не во вкусовых качествах, но хотя бы в визуальных. Ладно, не будем делить шкуру неубитого медведя, может быть, у неё фарш будет вкуснее и тесто лучше?

– Кацуми, – укоризненно покачала головой Мегуми. – Ну как же так?

– А чего он... Чего он стоит и лыбится? – нахмурилась подруга. – Я же эти «хлебные ушки» первый раз готовлю. А он... А он вон как сделал...

– Это не повод, чтобы девушке из хорошей семьи портить о себе впечатление.

– Ладно, погорячилась, – шмыгнула носом Кацуми. – Прости меня, Изаму. Прости, а?

Я поджал губы, с видом ущемленного достоинства поднял упавшую тряпку, посмотрел на неё и... Моментально скомкав, метнул в ответ.

Шлеп!

Тряпка ударилась точно в лоб подруги. В то самое место, где она была у меня.

– Квиты! – подмигнул я в ответ и бросился вон из кухни.

Вслед мне полетели возмущенные крики Кацуми и довольный смех Мегуми.

Уже за столом я поглядывал на Кенджи – он был самым главным пробователем наших творений. Пельмени разложили на тарелочки, также рядом выложили соусы, сваренные грибочки, заправку для пельменей.

Мы с Кацуми уселись по разные стороны стола и тоже взяли палочки. Кенджи пробовал то с одного блюда, макая в различные соусы, обильно посыпая свежей зеленью, то с другого. Я тоже попробовал – пельмени Кацуми вышли очень неплохими.

Но мои-то были явно лучше! Сочнее и вкуснее!

Я не сомневался в своей победе. Не сомневалась в ней и Кацуми, что было видно по её насупленному лицу, когда она попробовала мою готовку.

Сваренные в грибном соусе пельмени под острой уксусной заправкой с чесночком были бесподобны. Мои холостяцкие годы вытащили на свет самое полезное, что сохранили.

Мегуми тоже с удовольствием уплетала как пельмешки Кацуми, так и мои. Она не подавала вида, чтобы не дать мужу шанса угадать – где чья готовка. Просто ела и щурилась от удовольствия.

За столом велась беседа ни о чем. Чтобы не ухудшать вкус пищи различными неудобными моментами. И мы с Кацуми ждали с нетерпением – каков же будет вердикт? Кому Кенджи отдаст предпочтение?

Наконец, отец семейства аккуратно положил палочки и чуть отстранился от стола:

– Что же, вы явно ждете мое решение. И оно будет такое – вот эти вот пельмени мне понравились больше всего, – он показал на пельмени Кацуми, отчего та радостно взвизгнула и выбросила руки вверх. – Однако, они выше всяких похвал с вот этой вот заправкой и грибочками. И это моё решение – вот эти пельмени и вот эта заправка.

На этот раз его палец ткнул в уксусную заправку. Моё творение.

– Но тогда... – Кацуми растерянно посмотрела на меня. – Тогда выходит, что никто из нас не победил?

– Ой, это ваше общее творение? Ну что же, тогда я могу сказать, что вместе вы прекрасно сработались. От вашей готовки можно язык проглотить.

Я уже понял к этому моменту хитрость Кенджи. Он не захотел никого выбирать. Может быть мои пельмени понравились ему больше, но он поступил грамотно – нашел золотую середину. Не унизил дочь и не обидел гостя. Я улыбнулся и поклонился, признавая его мудрость.

– Ребята, только вместе у вас получится сделать такое совершенное блюдо, которое заставит всех известных поваров сделать харакири, – произнес Кенджи и едва заметно подмигнул мне. – Вы оба проспорили, но оба победили. В единстве – сила!

В этот миг я заметил, что рука Мегуми в это время выскользнула из-под стола. Ага, так вот кто передавал знаки Кенджи...

Они явно сговорились за нашими спинами. То есть результат был известен заранее. Вот так пройдохи.

Я был доволен судьейством. Даже то, что Кацуми пришлось петь, а мне в это время быть на подтанцовке не могло испортить настроение. Всё-таки семейство Утида может грамотно управлять людьми и принимать верные решения.

А ещё я вдоволь нажрался пельмяшей!

Глава 7

– Беги, Минори! Беги! – прокричал Камавура Тэкеши в мегафон.

Усиленный сводчатым потолком звук ударил по барабанным перепонкам бегущих. Десять первокурсников бежали друг за другом уже целый час. Такое испытание выносливости преподнес им преподаватель боевых искусств.

Шесть человек согласились участвовать в травле хинина. Три молодых человека и три девушки. Их кланы были не такими могущественными, как клан Огава, да и древность родов насчитывала в крайнем случае пять столетий, в то время как у того же Хидики род берет начало далеко за тысячу лет. Может быть поэтому они решили выслужиться перед Минори, а может имели какой-то свой интерес.

Всё-таки это было достойное аристократа приключение – наказание выскочки. При всём при том, что выскочка является чернью, земляным червяком, посмевающим поднять белобрысую голову, испачканную в навозе, и взглянуть слепошаро на блистательную мощь древнего рода Огава.

Мало того, что взглянуть – хинин посмел ещё наступить на спину лежащего аристократа. Это вообще из ряда вон выходящее событие. Раньше это бы каралось смертью преступника из низшей касты, но сейчас... Сейчас закон не позволял сделать так.

Закон говорил, что низшей касты нет, а все люди в Японии равны. Вот только буква закона и буква аристократической речи – это совершенно разные вещи. Аристократия не одно тысячелетие помогало императорскому трону, чтобы её заслуги были так просто приравнены к заслугам крестьян или, что ещё хуже, к заслугам землекопов. Говноуборщиков...

– Бежим! Ещё пять минут! – завопил мегафон преподавателя.

Этот крик придавал сил. Нельзя было показывать слабость! Пусть тут собрались дети аристократов, но первый признак слабости может потом вызвать кучу насмешек. Поэтому надо бежать и стараться не отстать от Минори.

Старшекурсники Юко и Кента стояли у стены с безмятежным видом. Их ничуть не трогали страдания первокурсников. На холеных лицах царила невероятная скука. Только приказ Камавуры Тэкеши заставлял их подпирать стену со спускающимися черными лентами, на которых белым нарисованы сдерживающие иероглифы. Конечно, у молодых людей нашлись бы причины быть в другом месте, но они не могли послушаться преподавателя.

Кента копался в своём смартфоне, заставляя подниматься и опускаться небольшой серебристый квадрокоптер над полом, а Юко безучастно полировала и без того идеально выглядящие ногти. На её теле сегодня красовались шорты в облипочку и кислотно-зеленый топик, подчеркивающий выпирающие соски. Не раз уже взгляд пробегающих мимо молодых людей старался прожечь ткань топики...

– Остановились! Две минуты на отдых! – прогремел мегафон.

Нет, дети аристократов не упали в песок. Это бы означало демонстрацию слабости. Они, тяжело дыша и переглядываясь, сбились в небольшую группу в центре зала.

Семь молодых людей и три девушки. Впрочем, две девушки были мало похожи на Юко в плане женственности. Мэнэми Исий и Мизуки Мацуо с детства предпочитали мальчишеские игры аристократическому воспитанию верных жен. Они скорее походили на Минори по телосложению и грубым чертам лица. Короткие стрижки, квадратные челюсти, большие надбровные дуги – походили на близнецов, но всё же различались. Женские очертания угадывались

под спортивными куртками и штанами, но когда мышцы напрягались, то больше становились похожими на мужчин.

Лишь одна Харука Кобаяши была красива настолько, что молодые люди то и дело кидали на неё взгляды. Только что не облизывались. Высокая грудь и длинные ноги были созданы, чтобы их обладательница вышагивала по подиуму, представляя жадным взглядам новинки моды.

Могла бы, но аристократам не очень нравилось, когда их дети оголяли себя. Ещё меньше нравилось, когда возникали скандалы, которые невольно появляются вокруг насыщения сексом их фамилий. Поэтому аристократов было мало среди популярных певцов. Нет, они были, но в основном этим занимались дети молодых родов, которые не сильно заботились о чести своей фамилии.

Шиджеру Яманака, Сузуму Гото и Ютака Ямада происходили из небогатых фамилий, но надеялись снискать славу на воинской службе. Так как они были не старшими среди своих братьев, то вряд ли могли претендовать на становление во главе рода. Но определенный статус могли получить, если смогут себя показать в военном деле. При поддержке родни, разумеется.

И все эти шесть человек присоединились к Минори Огава и его друзьям только с одной тайной целью – сделать услугу роду Огава. На хинина им было плевать, тем более, что его боевой класс не превышал ранга специалист, а это даже против одного мастера всё равно что крестьянин с косой против спецназовца с автоматом. А уж против десятерых... Участь хинина была предрешена с того момента, как они кивнули, соглашаясь с предложением Минори.

Вот только зачем так нужно выгонять пот и упражняться до крайности? Неужели десять мастеров не погребут под завалами выстрелов ничтожного червя?

– Господа аристократы, – словно услышал их мысли Камавура. – Я понимаю, почему вы так недоуменно сейчас переглядываетесь. Вы думаете, будто я делаю вид, что готовлю вас к битве с непревзойденным соперником, а на самом деле против вас встанет обычный хинин. Но я не просто так вас гоняю – вы выйдите на бой с человеком, который практически стер с лица Токио Хино-хеби-кай. Не последнюю группировку якудза, скажу я вам, а мощную и организованную преступную группу. До этого с его помощью ещё одна группировка якудза Хаганеноцуме осталась без своего оябуна, растворившись в Казено-тсубаса. В той, в которой на тот момент состоял хинин. Поэтому прошу вас отнестись к этому бою серьезно. Прошу вас стать единым целым и действовать всегда заодно.

– А что нам для этого нужно делать? – пробурчал Минори.

Камавура словно ждал этого вопроса. Он быстро соорудил мудры и перед ним из песка арены выметнулся большой вал. Этот вал за секунды сформировался в тайко – большой барабан, рядом с ним возникли две палочки – бати. Камавура схватил палочки, подкинул, отчего те с быстротой лопасти вертолета крутанулись в воздухе, а после с легкостью выхватил их из воздуха и ударил в центр тайко. Раздался гулкий звук, как будто влупили по настоящему барабану.

– Прыгайте! – скомандовал он.

– Что? – переспросил Минори.

– Прыгайте! – повторил Камавура и начал ритмично бить. – Прыгайте и старайтесь попадать в ритм. Вам нужно научиться работать как одно целое.

Бум! Бум! Бум!

Ребята снова неуверенно переглянулись между собой. Минори открыл было рот, но более умный Хидики подпрыгнул на месте. Невысоко, но достаточно, чтобы оторваться от земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.